

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Владимир ЯЩЕРИЦЫН

РАССВЕТ ТЬМЫ

Будь готов на все
ради достижения главной цели — возрождение твоего рода!

Владимир Владимирович Ящерицын

Рассвет Тьмы

Серия «Рассвет Тьмы», книга 1

Серия «Современный
фантастический боевик (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6707276

Рассвет тьмы: АСТ; Издательский дом «Ленинград»; Москва; 2021

ISBN 978-5-17-144744-1

Аннотация

Юрий Шевцов ненавидит тех, кто предал и развалил его Родину, СССР. В момент его смерти с ним заключила договор явившаяся темная богиня. Теперь он сын высокородных атар, правителей темных эльфов, по имени Ашерас ат И'си'тор. По договору он должен возродить дом И'си'тор, расправиться с его многочисленными врагами, но сначала ему надо вырваться из сетей интриг и покушений.

Содержание

Часть первая	5
1. Рождение	5
2. Конец и начало	8
3. Восприятие и осознание	17
4. Запоминание и изучение	25
5. Учеба и постижение	37
Часть вторая	60
1. Ненависть	60
2. Размышления	109
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Владимир Ящерицын

Рассвет тьмы

© Владимир Ящерицын, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Часть первая

1. Рождение

Мое имя Шевцов Юрий Владимирович. С рождения я был не простым человеком. Когда-то я был солдатом.

Родился жарким летом 1980 года в большом приграничном селе. Отец служил пограничником, мать работала учительницей в сельской школе. Я иногда с ностальгией вспоминаю беззаботное детство: пыльные дороги, стайки таких же грязных и босых сорванцов, как и я сам, мелкие обязанности по хозяйству. Впрочем, я был более правильным и более везучим, чем остальные (возможно, это было сильное влияние семьи). Отец, начав служить младшим лейтенантом, быстро продвигался по службе. Впрочем, это было не удивительно, учитывая то, что дед тоже был военным и, надо сказать, ему везло. Дед прошел всю войну и был дважды ранен, что, в конце концов, и заставило его уйти в отставку незадолго до моего рождения. Жил он в избе вместе с отцом и матерью, работал лесником. Больше близких родственников не было – оба брата моего деда погибли во время Великой Отечественной войны. Старший брат – в Севастополе (хоть эта тема и не была популярна в семейных разговорах, я знал, что дед дважды ездил искать, но так и не нашел даже примерное ме-

сто его гибели, не то что имя на братской могиле), средний – на Курской дуге (он был командиром Т-34, и во время атаки танк попал под выстрел «флака»). Дед часто рассказывал о войне, о разных случаях – смешных и грустных, героизме и трусости, верности и предательстве. Дед был колоритной фигурой. Иногда на него что-то находило, и он уходил в лес на два-три дня. Особенно запомнилась одна история. Вспоминая ее, я словно возвращался назад на машине времени. Дед был невысок – где-то метр семьдесят шесть в молодости. Круглое лицо, будто бы высеченное из мрамора, ежик седых волос, пронзительный взгляд серо-стальных глаз (когда-то они были сине-голубыми, как осеннее небо, – иногда я думаю, что они выцвели из-за того, что видели), спокойный, иногда ехидный или веселый голос.

Вечер в саду, небольшой костер между двумя яблонями. Голос деда:

– ...нас прижали огнем немецких пулеметов. Звук стрельбы очередью из МГ-42 похож на звук рвущейся бумаги. Рядом рвутся немецкие гаубичные стопятидесяти миллиметровые снаряды. Один падает метрах в пятнадцати перед нами – и мы с товарищами бросаемся к воронке. Я был дальше других. Вижу – не влезу, и только остановился, как в ту же воронку, в то же место, еще один снаряд падает. Все, кто был ближе, – в клочки, а мне – два осколка в шею... А еще говорят снаряды в одну воронку не падают... Всякое бывало... И минометные мины в щели между бревнами залетали. Я тебе

так скажу – вся война на случайностях была, на слепой удаче. Кто и весь посеченный осколками без лекарств и бинта на поле боя выживет, а кто и водкой в штабе захлебнется...

Я вырос. Советский Союз развалился. Мне еще запомнилось, как отец сидел перед приемником и ждал приказа на выдвижение к Москве. Но приказа так и не последовало. Дед смачно поносил Ельцина и ходил из угла в угол. Сейчас я вполне понимаю его чувства, а тогда я лишь смотрел на то, как он недоумевает, почему их там всех в Беловежской Пуще не кончили.

Потом я закончил школу, а так как был благодаря матери отличником, то поехал в областной центр поступать в институт. До сих пор помню, как провожали меня на автостанции немного грустный дед, отец и мать. Я еще не знал, что увижу родственников очень нескоро.

В институт я поступил без проблем, но неожиданно понял, что выбранная специальность не мое. Как-то странно ко мне пришло осознание того, что я хочу служить. Причем не просто служить, а сражаться. Я позвонил родственникам и сказал, что пойду в армию. Отец сначала ругался, но потом неожиданно согласился. Сейчас-то я понимаю, что наша семья всегда была связана со сражениями.

Надо сказать, что здоровье у меня было отменное, поэтому проблем в армии я не ожидал.

2. Конец и начало

Призывной пункт неприятно удивил меня своей мрачностью. Здание довоенной постройки, внешне обшарпанное, с грязновато-ржавыми потеками под ржавыми же подоконниками. Парадное крыльцо поднималось над асфальтированным плацем на три бетонные ступеньки, на верхней ступени стоял хмурый капитан и о чем-то спорил с пожилой, но когда-то явно очень красивой и ухоженной женщиной в белом врачебном халате. Над крыльцом повис ржавый козырек, по которому ходили туда-сюда, воркуя, черно-белые голуби. Я прошел мимо капитана и вошел в здание. Очутился в длинном изогнутом коридоре, слабо освещенном ртутными лампами дневного света, расположенными на потолке. До потолка было около четырех метров. На стенах развешаны плакаты в пропагандистско-милитаристическом стиле, прославляющие разные рода войск. В принципе, больше ничего запоминающегося. Мне повезло – осенний призыв еще не закончился. Из врачей запомнился только веселый шутник, который посадил меня во вращающееся кресло и, велев закрыть глаза, крутанул. Дав покрутиться, остановил и сказал пройти по воображаемой прямой линии. Я легко прошел. Сделав пометку в карточке, он отправил меня дальше. В конце посетил давешнего капитана. Просмотрев карточку, он сказал: – Ну что ж, сынок, ты годен. Проблем со здоровьем нет. У

нас недобор. Ты можешь пойти служить куда хочешь, кроме танкистов – высоковат, и десанта – ростом не вышел.

– А в спецназ возьмут?

– Ну-у-ум-м... – Он еще раз перелистал карточку и практически равнодушно ответил: – Да.

* * *

Военный, темно-зеленого окраса, грузовик везет меня и других новобранцев в учебку. В пути мы уже где-то час. Парни переговариваются между собой. Меня клонит в сон.

Я вам скажу так: если вам кто-то говорит, что АК-74, ПМ и, не дай боже, ТТ – это лучшее оружие в мире, смачно плюньте этому человеку в лицо. Ибо он ничего в руках кроме этих, пусть надежных и простых, убожеств отечественного производства не держал. Вы знаете ресурс ствола ПМ? Двадцать-тридцать тысяч выстрелов. А ресурс «глока»? Сорок тысяч по гарантии и *миллион* в случае бережного обращения. Я своими ушами слышал рассуждения двух полковников о том, что необходимости в перевооружении и перевооружении нет, а АК до сих пор лучший автомат мира. Гады. Их бы с нами на Кавказ. И каску без подшлемника. И кирзачи без портянок. И родной броник, весом двадцать килограммов, ни от чего не защищающий. И в очередь к полевой кухне за перловкой. Ах да, в грязи бы еще их вывалить, чтоб только глаза были видны на черных рылах. И для ан-

туража – чтоб арабский снайпер с новомодной европейской снайперской винтовкой, с эффективной дальностью поражения полтора километра, постреливал по ним, не давая нормально пожать. Они бы тогда по-другому завыли. Как иногда тихо выли мы, молясь, чтоб наша арта накрыла очередной дот, а не нас...

В норматив на стрельбу из ПМ я с трудом уложился. А вот из АК и СВД я был первый в роте.

Иногда мне кажется, что вся предыдущая жизнь была чередой кошмарных нереальных снов.

– Беременные бегемоты!!! Разве так носок тянут? Четче шаг! Раз-два, раз-два! – это был наш прапор Спицын, на редкость тупой осколок Советского Союза. Очевидно, кроме того, как печатать шаг и матюгаться в матюгальник, он больше ничего не умел. Остальные наши командиры и консультанты были умнее его и выше званием. Впрочем, искры разума у Спицына хватало, чтобы осознать эту несправедливость, и прапор срывал злость на нас. Честно говоря, строевая была единственным предметом нафиг – если не сказать покрепче – нам не нужным. Наверное, прапор иногда это вспоминал и зверствовал пуще прежнего. Именно он настаивал, чтобы во время марш-бросков мы или песню пели, или противогазы надевали. Кстати, если марш-броски были на индивидуальный зачет – прибегал я всегда первый.

Наверное, из-за этого учебка сохранилась в памяти лишь небольшими фрагментами. Время пролетело очень быстро

– вот мне за отличие в строевой подготовке дают младшего сержанта, а вот нас уже сажают на поезд, едущий в Чечню.

Грязный, вонючий, но такой родной вокзал. Приехали родители меня провожать. Они взяли с собой маленького братика Сережку. Жаль, что я так и не смог поддержать его на руках. Прапор, жалкий ублюдок, так и не выпустил меня на перрон – наверно, боялся, что я дезертирую у всех на глазах. Хорошо, что он не остался с нами, а укатил обратно. Я б, точно вам говорю, во время первой перестрелки засверлил бы ему пулю в живот (чтоб подольше мучился), и никто бы меня не сдал. Мои чувства разделял весь отряд – не одного же меня провожали...

Я думаю, что все это (ненависть младшего командного состава, отвратительное питание, изматывающие тренировки, внутренняя нездоровая атмосфера в отрядах) было частью подготовки к переходу нами рубежа перед первым убийством.

Для меня же это произошло как-то буднично.

Горы. Нас выбросили с вертолета перекрыть отступление каких-то, как сейчас модно говорить, «бандформирований». Вот же идиотство! Самое печальное было то, что арабские наемники были лучше снаряжены и вооружены. Может, АК и опережал свое время полвека назад, но сейчас его лидерство в поле уже давно было оспорено. Можно сколько угодно говорить о надежности и простоте, но это решающие факторы только тогда, когда АК держат в руках двенадцатилетние

пацаны, идущие на следующий день в качестве пушечного мяса...

Какое-то ущелье и безликие далекие фигуры врага в камуфляже. Мы в засаде. Даже дышим через раз. Нас учили не смотреть постоянно на врага, а бросать на него короткие мимолетные взгляды. Что ни говори, а человек – зверь. И на войне до предела обостряются все чувства и инстинкты. Люди могут чувствовать угрозу и враждебный взгляд. Это доказано давно...

Три человека разведки и десятеро основного отряда. Разведку мы пропускаем – важных людей в ней нет. Их убьют снайперы, а не убьют – это уже не важно... Вот основной отряд приближается к той условной точке, где мы откроем огонь. Очень медленно ловлю в прицел мощную бородатую фигуру. Тоже мне, вояки. Расслабились. До границы, мол, рукой подать. Забыли? Поход заканчивается только тогда, когда солдаты раздеваются на базе...

Последняя фигура минует условный камень, и мы начинаем стрелять одиночными и короткими очередями. Я ловлю в прицел пытающегося перебежками убежать наемника и мягко нажимаю на спуск. Человек пробегает пару шагов и падает... Вот и все...

Ничего сложного – мы же воюем не во времена Древнего Рима, чтоб убивать гладиусами лицом к лицу, а потом вытирать брызги чужой крови со лба...

Я с детства не боялся крови. Не зря же у меня в роду одни

военные. Даже прадед был одним из первых коммунистов и служил в Красной Армии. Наверное, поэтому деду, а потом и отцу сходило с рук некоторое вольнодумство. Впрочем, дед с отцом обладали просто звериным чутьем на неприятности и прекрасно разбирались в людях: при ком-то могли и смело пошутить в сторону партии, а при ком-то – тупо гнули коммунистическую и, в частности, партийную линию.

Руки замерзли. Я подбросил последние ветки в небольшой костер, понимая, что это только оттягивает неизбежное. Проклятый эфэсбэшник... Чужая пуля срикошетила ему под углом в ногу и, разорвав вену, вышла из спины. Я со своим отделением должны были прикрыть эфэсбэшника на переговорах с бородачами, но что-то пошло не так с самого начала. Я задним местом почувствовал подвох еще на базе, когда нам в отряд внедрили странного хмыря с масляными, по-крысиному бегающими глазками. Это было ловушкой. По прибытии на встречу эфэсбэшник с бородачем шустро смылись, а нас обработали из РПГ и пулеметов. Выжил только я, и то, чувствую, это ненадолго. Может быть, эфэсбэшник был перебежчиком? А мы, доставив его тушку на границу с Грузией, стали «нежелательными свидетелями»? Или мы ими стали задолго до этого? Все-таки видели (и участвовали) мы немало. Тут и торговля оружием на ту сторону, наркотрафик – на эту, работоторговля (женщины) – опять на ту, нелегалы – на эту...

Как же по-дурацки закрутилась жизнь...

Холод начал опять подниматься по спине. Попытавшись шевельнуться, я обнаружил, что правая рука не слушается. Пожалуй, все. Бросив взгляд вниз, я понял, что сижу в луже своей крови. Я опять начал рыться в своих воспоминаниях. Как же многого хотелось достигнуть... Жаль, что я не застрелил эфэсбэшника, только в ногу попал... Ненавижу ПМ. С его этим гребаным «дожиманием»... Последний раз лизнув воздух, костер потух, оставив лишь одни яркие угли. Казалось, сразу наступила тьма. Но глаза, привыкнув, снова стали различать разбросанные по полуподвальному помещению предметы моего снаряжения: гильзы, немного патронов, разобранная аптечка, сухпай и простреленный, вымазанный в моей крови и грязи, полупустой вещмешок. Внезапно прямо из ярких углей, словно густой нефтяной дым, поднялась столбом тьма и, на пару секунд расплескавшись по комнате, собралась в красивую статную молодую женщину. К своему стыду, я сначала даже не посмотрел на ее лицо, ведь ее одежда состояла из украшений и лент темной ткани, обвивающих ее идеальное тело. С трудом оторвав взгляд от ее груди, я посмотрел на ее лицо и обмер, осознав, что передо мной не человек. Ну не может у человека быть такого идеального лица с завораживающими, абсолютно черными глазами, в которых клубилась и вытекала, словно туман, тьма. Вдобавок у нее были длинные (около трети метра) уши, чуть разведенные в разные стороны. Ее белые волосы были собраны в тугой хвост, зафиксированный темным ремешком.

Я слышал истории про последние галлюцинации перед смертью. Кто-то видел родных (живых и мертвых), кто-то демонов или каких-то тварей, стоящих рядом или разговаривающих с ними. Но, даже зная, что я на *границе*, мне не хотелось признаваться себе в скором конце. Я же мог остаться на том пустыре и быстро околеть от потери крови. Нет – я полз, пытался перетянуть или зашить рану. Потом разжег костер и включил аварийный маячок... Но, очевидно, все напрасно...

Пока я занимался самокопанием, странная женщина наклонилась и произнесла:

– Меня зовут Эхаялин. Я дочь богини, темной богини Элос.

Надо же, все как и рассказывали. Впрочем, я решил заговорить – все равно подышаю, а так веселее.

– Мое имя Юрий Шев... – я закашлялся, а вдохнув воздух, обнаружил, что уже не могу говорить.

– Юрий Шев... м-м-м интересное имя, – произнесла она. – Шев... у нас знаком «шев» обозначают «смерть во тьме». – Она оглянулась. – Как символично...

Я собрал остатки сил и левой рукой дотронулся до ее щеки. Как я и думал, ее кожа была упругой и шелковистой. Неожиданно Эхаялин потерлась щекой о мою руку, как кошка, и, как мне показалось, мурлыкнула. Оторвавшись от моей руки, она посмотрела мне в глаза и произнесла:

– Как интересно... Что ж, решено! – Она ткнула в меня своим тонким длинным пальчиком с неестественно длин-

ным (примерно пятнадцать-шестнадцать сантиметров) когтем и произнесла: – Хочешь ли ты получить другой шанс? Моему народу нужны такие... – она выразительно осмотрелась вокруг, – упрямы. Для того, чтобы ты понял – я перенесу твою душу и память в новорожденного представителя Великого дома своего народа. Вопросы? – она выжидательно посмотрела на меня. Под ее взглядом я ощутил, как силы возвращаются ко мне.

– А что произошло с прежним жильцом?

– Его отозвали. – Ее ответ был чересчур коротким. Возникло впечатление, что здесь не все так гладко.

– Какие-то конкретные задания, обязанности?

– Да как обычно – живи, развивайся во славу своего дома и народа.

– И никаких миссий? Может, что-то найти или что-то создать?

– Пока нет. Какие могут быть задания для младенца? А через тридцать лет либо, как у вас говорят, осел умрет, либо я умру, либо о тебе вообще все забудут. Так ты согласен или как?

– Да, согласен. Вот только не верю я в твою благотворительность... Жизнь научила...

– Скажу лишь, что у тебя особенная энергетика и... ты мне понравился. Не бойся – это будет даже весело! – Эхаялин неожиданно засмеялась и звонко хлопнула в ладоши.

В следующее мгновение мир вокруг меня поглотила тьма.

3. Восприятие и осознание

Внезапно тьма стала отступать, как будто наводили резкость, и я увидел склонившиеся надо мной лица, сильно похожие общими чертами на Эхаялин. Я потянулся к ним рукой. О боже! Я действительно младенец! От изумления я вдохнул воздух и закричал от боли! Нет, я всегда подозревал, что младенцы сразу после рождения всегда кричат от болей, но не думал же, что я окажусь прав. Легкие горели. Я старался дышать по чуть-чуть. Внезапно пришло облегчение. Я вздохнул полной грудью и открыл глаза. Меня держала на руках практически ничем не отличимая от Эхаялин женщина. Вот только разрез глаз был чуть другой и глаза были с почти нормальными зрачками и белком. Ее кожа была лишь чуть-чуть серее волос. Вдобавок, когда она посмотрела куда-то надо мной, я увидел, что ее уши почти наполовину меньше – они лишь на немного вылезали над ее головой. Также на ушах я увидел несколько красивых сережек, а в волосах, аккуратно собранных в длинный толстый белый хвост, было вплетено несколько красивых драгоценностей из желтого металла, очевидно золота, изображающих змей. Не успел я налюбоваться на змеек, как мне в рот всунули... бутылочку! А я уж размышлял о сиське... Вот печаль-то... А молоко (или что это было?) оказалось вкусным, и я, неожиданно для себя, заснул.

Проснувшись, я задумался над положением, в котором оказался благодаря прихоти прекрасной полубогини. По все-му выходило, что это другой мир. На земле точно не было таких существ. Это во-первых. А во-вторых – я согнул руку и пощупал свое ухо. Оно было длинным и заострилось в конце. Уши были не такими длинными, как у женщин, которых я видел, и тем более не таким, как у Эхаялин, но у меня было ощущение, что они еще вырастут. Кожа на моих руках была даже белее, чем у Эхаялин. Я думаю, она чуть потемнеет с возрастом. Я посмотрел на ноги. Какой же я маленький и слабый... Ну, ничего, у меня есть время сделать тело сильным. Из всего этого можно сделать вывод – полубогиня сдержала слово, и я действительно новорожденный. Внезапно я понял, почему мне не дали сиську – у меня же во рту полный набор зубов! Интересно, это обычное явление? Очевидно, да. Наверное, мать сцеживает молоко в бутылочку и, чуть подогревая, дает мне. Так, припомним разговор с Эхаялин. Из него следует, что красивая ушастая женщина с сережками – моя мать. Интересно, а почему я еще не видел отца? Наверно, он скоро придет или уже приходил. С трудом договорившись со своими руками, я чуть оттянул подгузник и заглянул туда... Фуууухххх... Я мальчик. Это уже хорошо... или нет? А-а-а пофигу. Все равно изменить я ничего не могу и не буду. А если б я был девочкой? Ответ прост – смирился бы. А когда вырос – стал бы расчетливой стервой. Ну да, ну да – я такой...

Третье – нужно узнать, по какому пути развития движется мир. Ну, там – технический, биологический или, может, какой-то магический? Взять ту же полубогиню Эхаялин – прыгает между мирами и собирает (?) души воинов. А может, и не только. Болтает она на русском неплохо, с мировой культурой знакома. Вполне возможно, технологиями тут никого не удивишь, а некоторые индивидуумы способны легко заменить пару танков, зениток, штурмовых вертолетов и, до кучи, пехотную дивизию.

От всех этих размышлений разболелась голова, и меня ки-нуло в сон.

Проснулся я от взгляда. Да-да. Я просто почувствовал себя как под микроскопом. Открыв глаза, я увидел мать и еще одну женщину. Если на матери был роскошный чересчур открытый наряд, то на новенькой я наблюдал намного более простую, но, по-моему, более практичную одежду. Всмотревшись внимательнее, я понял, что это в некотором роде легкий доспех. Лицо женщины было еще грубее, чем у матери, и мне показалось, что я заметил один длинный еле-еле заметный шрам на шее. Кроме того, ее уши были еще короче, а кожа с еще более серым оттенком. Мускулистую фигуру буквально обтягивал кожаный костюм с множеством ремешков, а также застежек. Если на матери из того положения, где я находился, оружия не было видно, то новенькая, казалось, была обвешана им вся: под руками находились ножны метательных ножей, на поясе – короткие мечи (по одному

слева и справа) и странная то ли трость, то ли дротик, расположенный под правой рукой. На бедрах были закреплены ремешками ножны с длинными, ручками вниз, изогнутыми кинжалами в изукрашенных ножнах, в руках женщина держала нечто вроде боевой косы, только очень искусно изготовленной и украшенной. Я даже видел какой-то рисунок, или вытравленный, или выточенный на поверхности волнистого лезвия.

Я внезапно испугался, подумав, что меня собираются при-топить или отдать в какой-нибудь детдом, но внезапно мать и воин повернули головы в мою сторону и почти синхронно улыбнулись. А они не родственницы? Это моя тетя или сестра? Определенное сходство есть, но нет, не похожи. Скорее всего, это моя охрана. А значит, все в порядке. Впрочем, мать закончила инструктировать охрану и, кивнув кому-то невидимому, отступила в сторону. Я еще заметил, как она начала нервно теребить замысловатую сережку на правом ухе. К чему бы?... Додумать мысль я не успел.

В первое мгновение мне показалось, что в комнату ворвался какой-то вихрь, состоящий из рук, ног, тел и голов. Как я оторопело понял минут через двадцать непрерывного торможения, это были мои сестры и братья. Осознал я это, только сравнив лицо матери с сюсюкающими лицами – они были очень похожи. Вот только волосы почти у всех были черными, кроме двух старших сестер – их волосы были ближе к цвету пепла. Они были более сдержанными и... зре-

лыми, что ли? Все это мельтешение мне надоело, и я зевнул. Внезапно я почувствовал какое-то напряжение в воздухе. Мать забрала меня из рук сестры и направилась к дверям. Мне было жутко интересно все вокруг, и я осматривался по сторонам. Лежал я, оказывается, в чем-то сильно смахивающем на обычные ясли, источником света в комнате оказались невысокие узкие цилиндры, расположенные по углам комнаты и дающие мягкий желтоватый свет. Охрана располагалась у широких и высоких, в данный момент открытых дверей. В них стояла мужская стройная фигура, вооруженная как охрана, за исключением странного копьё-трости, да мечи в ножнах были другой формы. Видать, это – мой отец. Отец взял меня под руки и посмотрел мне в глаза. И тут я понял, что у *всех*, кого я видел до этого, глаза были черные, а вот у отца – синие. Отсюда вопрос: какого цвета глаза у меня и что из цвета глаз следует? Впрочем, отец смотрел в глаза мне недолго и, вернув матери, сказал несколько фраз, затем удалился. С ним исчезло и напряжение.

После визита отца приходили другие мужчины, но относительно их статуса я ничего не понял (то ли охрана, то ли любовники, то ли и то и другое). Приходили даже странные делегации мужчин и женщин с еще более грубыми лицами и совсем короткими, лишь чуть больше людских, заостренными ушами. Их кожа была еще более темной, чем кожа воинов, ее цвет уже можно было назвать серым и даже черным. А одежда практически не имела украшений, но была чистой

и даже красивой. Я так понял, общество «ушастиков» сильно поделено на касты по цвету кожи и длине ушей (цвету глаз?), но вряд ли чтоб разделение было только по этим признакам. За размышлениями я не заметил, как заснул.

Проснувшись, я обнаружил, что подгузник сменили, но в комнате довольно темно. Очевидно, в доме ночь. Распорядок младенца прост: поел – поспи, поспал – поешь. Обосрался – лежи, жди, пока поменяют подгузник. Жуть, конечно, но что я могу пока делать? Остается лишь одно – набираться сил и развивать свое тело. Итак, первая цель – встать на четвереньки, вторая – на ноги, а там уже нарисуются и третья, и четвертая, и пятая...

Благо еды и сна в достатке. Сначала просто двигал руками и ногами вверх-вниз и влево-вправо. Быстро уставал и снова засыпал. Однако со временем перерывы между сном становились длиннее, а тело сильнее. Самую чуточку. Но когда смог спать на боку или на животе, был жутко счастлив. Обратил внимание, что на границе бокового зрения постоянно присутствуют малоподвижные разноцветные линии. Однажды, засыпая, я приоткрыл глаза и полностью увидел их. Это было похоже на новогодние гирлянды. Но как только я сосредоточился на них, они снова как бы стали прозрачными. Так в мой распорядок дня добавилось еще одно упражнение – для мозга. Глядя перед сном на странные разноцветные линии, образующие на стенах и потолке нечто вроде частой решетки, я думал, что это либо энергопровод, либо какая-то

сторожевая сеть.

Я старался считать дни, делая незаметные царапины, отмечая одной царапиной пять дней. Примерно через два месяца тренировок я попытался встать на четвереньки, и мне удалось! Правда ненадолго, и я сразу опять лег, но ведь и первый полет братьев Райт и полетом-то назвать нельзя было. Вдобавок я сегодня рассмотрел несколько сторожевых энергетических веток, расположенных над моей кроватью, словно ветки кустарника. Они меня манили, словно костер в тайге – заблудшего путника. Я даже во сне видел, как дотрагиваюсь до них. Но путь к ним был очень долг. Лишь еще через три месяца я смог уверенно стоять на четвереньках.

Та-ак, теперь беремся руками за стеночку и меедленно поднимаемся, поднимаемся... О проклятье – сторожевая ветка выше, чем мне казалось. Все – на сегодня я выдохся. Внезапно от дверей раздался удивленный возглас. Оп-па, спалился. Глядя на пустое место охранницы, я раздраженно сел в кровати. Интересно, что теперь будет? Другая охранница изумленно и неверяще смотрела на меня. Я, конечно, выдохся, но подставлять девчонок не буду. Придется повторять на «бис».

Спустя примерно пять минут в ясли ворвалась мать и уставилась на меня. Что уставилась, ну сижу я – мужик я или нет? Так, ладно, зрители есть – один я рефлексирую. Перекачиваюсь на четвереньки и по стеночке, по стеночке... Сзади раздался глухой стук, обернувшись, я обнаружил: без созна-

ния – мать – одна штука, в полной прострации – охранницы – две штуки. Вообще женщины были всегда моей ахиллесовой пятой. Поэтому я серьезно расстроился и даже подумывал зареветь.

Когда мамку откачали, она была в таком шоке, что по инерции начала кормить меня грудью. Ради такой награды не жалко всех трудов. Кстати, тогда я впервые увидел не что иное, как заклинание, которым приводили в себя мать. Я попытался запомнить, как его плела одна из охранниц. Пожалуй, это был самый счастливый день моей новой жизни.

4. Запоминание и изучение

Уже неделю вокруг меня наблюдается нездоровое оживление. Я думаю, что намного опережаю развитие своих сверстников и из-за этого образовалась такая свалка. Причем то, что было на следующий день после моего рождения, жалкое подобие того, что происходило сейчас. На шестой день произошёл визит, очевидно, местной правительницы, хотя я могу и ошибаться.

В этот день в моей комнате навели дополнительный марафет и уборку. Ноги мои чуть окрепли, и я уже более уверенно выглядывал из-за края кровати, держась двумя руками за решетку. Меня черная служанка покормила из бутылочки, сменила подгузник (когда же я вырастуу!!!) и, натянув какую-то детскую кофточку, убежала, очевидно, чтобы не мозолить глаза.

Охрана стояла вся дополнительно обвешанная разнообразными побрякушками, амулетами и медальонами. Я также заметил, что многое из украшений и даже оружие было также обвито энергетическими разноцветными линиями. Жаль, что охранникам не разрешалось брать меня на руки, а то б первое, к чему я протянул бы ручки – их оружие. Ну да ладно – на матери тоже было навешано разного добра, как на новогодней елке. Чего стоило ее супероткровенное платье, честно говоря, больше похожее на смесь того, что я видел на

Эхаялин, и плюс купальник с короткими изящными сапожками на ногах. Волосы были распущены, и создавалось впечатление, что их объём больше объёма тела. Надеюсь, мамка возьмет меня на ручки, и я сумею стырить какую-нибудь магическую побрякушку. Надо только момент подгадать. Ну, это уж дело техники. Между странными медальонами, выпускающими в окружающее пространство чуть колышущиеся энергетические щупальца, особенно выделялся знак в виде лазурного полумесяца, расположенного горизонтально концами вниз, с тыльной стороны полумесяца как бы выросла черная узкая прямоугольная табличка, за который он и был через кольцо прицеплен к черной цепочке. Знак был довольно большой, наверно, с две мои ладошки. Еще раз взглянув на родственников, я обнаружил на них множество таких знаков: серьги, застёжки, крестовины мечей, сабель и кинжалов, навершия на оружии, вышивка на элементах одежды. Этот знак был даже вытравлен на полированных волнистых лезвиях боевых кос моих охранниц, застывших неподвижными истуканами в сумеречном свете светильников. Что уж говорить о моей кофточке? Появился где-то на горизонте отец, перебросился парой чуть ли не ритуальных фраз и стал, подпирая стеночку, контролировать комнату. Странный он, и положение в семье у него странное. И оружие у него отличается в лучшую сторону, и одежда практичнее. Возникает впечатление, что он хорекает среди кошек – все вместе они его разорвут, а вот один на один даже о везении не стоит думать. Мамка,

проконтролировав комнату, удалилась вместе с кагалом родственников, но спустя минут пятнадцать (я, как только комната опустела, сел, а как услышал приближающийся шум – опять поднялся) вернулась, сопровождая властную среброволосую женщину, одетую в красивое, похожее разрезом на китайское, платье. Ее волосы были собраны в длинную (примерно до колен) толстую косу, украшенную разнообразными заколками и приколками. Украшений было мало, но это, наоборот, производило неплохое впечатление. Обута она была в легкие, наподобие греческих, сандалии.

Охрана при ее виде втянула живот и выпятила грудь. Женщина скользнула по ним безразличным взглядом и подошла, в сопровождении матери, ко мне. Внезапно я понял, что в комнате стало абсолютно тихо – никто не разговаривал и даже не шевелился. Женщина наклонилась. Я посмотрел ей в глаза и понял, что в ее глазах плескалось пламя. Было такое впечатление, что она смотрит в рыжее пламя и оно отражается в ее глазах. Мне показалось, что меня затягивает в огненную бездну, но страха или боли не было. Было лишь тепло и что-то похожее на... интерес? Мне захотелось поиграть огнем, и интуитивно я понял, как воздействовать на него. Я стал загибать гигантские языки пламени, собирая их в один пучок. Языки пламени как-то пытались своевольничать и разгибаться, но я им этого не позволял, и их сопротивление сошло на нет. Я почувствовал одобрение и силу внутри себя. Но мне показалось, что пламя какое-то слабое... А

что, если... Поддавшись порыву, я всю силу, словно ведро керосина, плеснул в гигантский огненный столб. В следующее мгновение я вернулся в реальный мир. Первое, что попало на глаза – это заваливающаяся назад гостья и мать, подхватывающая ее. Черные слуги тут же принесли стул, и мать туда усадила гостью. Мать создавала что-то наподобие уже виденного зеленого заклинания, но гостья остановила ее, что-то сказав. И с интересом еще раз посмотрела на меня. Огня в ее глазах не было. Спустя секунду она, тряхнув головой, встала, с улыбкой обвела родственников взглядом и что-то произнесла, указав на меня (надеюсь, не «секир башка, аллах акбар»), и, коротко переговорив с матерью, удалилась. Мне показалось, что перед уходом она глянула на меня, и в ее взгляде пронеслось легкое сожаление. Интересно, к чему бы это?

Родственники, во главе с матерью, вывалились следом за ней. Я недовольно огляделся – а на ручки, а магическую цацку? Впрочем, я заметил стоящего около яслей отца в его традиционной сбруе с кинжалами и мечами. Краем глаза я заметил, что за ним напряженно наблюдает охрана. С чего бы? Он наклонился, рассматривая что-то у меня в глазах. Я же, не отводя глаз, аккуратно взялся за ручку метательного ножа и потянул на себя. А что? Сам виноват. Что попало в мои загребушие ручки – то мое. Нож неожиданно легко вышел из ножен, но удержать я его не смог, и он оглушительно звякнул об пол. Я испугался, что батю сейчас скрутит охрана, но

девки все видели и усмехнулись, когда батя удивленно смотрел на пол. Хмыкнув, отец забрал нож и вышел из комнаты. Больше ничего в этот день необычного не произошло, и после того как меня покормила и переодела служанка, я заснул.

После визита высокопоставленной гостьи все успокоились, и потянулись серые будни. Когда я сделал первые шаги – все приняло этот факт как нечто собой разумеющееся. Мать забегала редко – хорошо, если каждый день минуты на две. Честно говоря, я по ней скучал и с нетерпением каждый день ждал ее визита. Еще реже приходили родственники, но благодаря тому, что их было до фига, не было ни дня без визита. Иногда приходили высокие белокожие статные мужчины и женщины в сопровождении матери. Я так думаю, это были дальние родственники либо старшие дети моей матери, живущие не в доме.

От скуки начал пытаться работать со своей силой. С этим были определенные проблемы. Самые главные: я не знал, с чего начать, где искать и как с ней работать? О принципах медитации я знал только то, что они есть. Я стал перебирать воспоминания тех моментов, когда колдовали окружающие. Пока таких моментов было только два. Причем в случае с матерью заклинание было незавершенным. Может, ключ спрятан в странном происшествии с необычной гостьей?

Еще через месяц, когда я стал вылезать из яслей, прислуга начала сидеть со мной постоянно, чтоб я не вывалился. И через пару дней мать меня взяла за руку и вывела из яслей

на прогулку по дому.

Архитектура просто поражала. Нет слов, чтобы описать то, что я увидел с балкончика во внутреннем дворе.

Во-первых. Над головой неба не было! А был каменный свод. До него, по-моему, было метров триста-четыре. С потолка опускались гигантские сталактиты, плавно переходящие в сталагмиты. Насколько я помню, подобные образования назывались сталагматами. Все подобные образования, насколько хватало глаз, были обжитыми – на это указывали освещенные окна и вырубленные спиральные лестницы. Я стоял на балкончике с матерью недолго – она дала мне насладиться видом и повела вниз по лестнице. Я оказался не готов к таким долгим прогулкам, вдобавок ступени для меня были слишком круты. Увидев это, меня взяла на руки служанка и в сопровождении двух солдат, вынырнувших из скрытой ниши, спустилась на восемь пролетов. Свернув за угол, мы оказались на внутренней тренировочной площадке. Площадка имела форму вытянутого ромба длиной примерно двести пятьдесят метров и шириной – я повертел головой – около половины этого расстояния. В двух метрах от меня каменный пол заканчивался и, делая невысокую, даже для меня, ступеньку, начинался песок. На дальнем конце площадки две пары полуобнаженных мужчин ожесточенно размахивали мечами. За ними наблюдала группа воинов в кожаных латах и несколько мужчин в плащах с глубокими капюшонами. Один из них повернулся к нам спиной, и мне удалось разгля-

деть на сероватом фоне плаща знак нашего дома. Неожиданно одна пара разорвалась, и тот воин, что был правее, упал на колено, прижимая правую руку к боку. К нему подошел один из «плащей», наклонился и начал водить руками по ране. Даже отсюда было видно, как течет красно-черная кровь. Наверное, о таком понятии, как тренировочные мечи, тут не знали. Впрочем, если в этом мире сильно развита магия (и при достаточном количестве этих магов), то необходимости в них действительно нет. И точно, когда через минуту поднявшийся воин стер тряпкой кровь с тела, раны видно уже не было. Я, отцепившись от слуги, шлепая босыми ножками по теплему полу, осторожно (не дай Эхаялин упасть!) подошел к площадке и опустился на колени. Правой рукой я начал разгребать песок, но продолжалось это недолго – моя рука снова уперлась в камень. Моя догадка подтвердилась – песок был привозным. Я взял в горсть немного и сыпанул на приступку. Спустя пару секунд песок, я успел разглядеть, как сработало заклинание, затянулся обратно во дворик. Теперь понятно, почему песок не разнесли по всему дому. Песок и тротуар были пропитаны разной по цвету энергией. Серая энергия песка, взаимодействуя с бурой энергией «тротуара», отталкивалась, увлекая за собой материальный песок. Оглянувшись на мать, я увидел на ее лице выражение гордости и одобрения. На этом моя первая прогулка подошла к концу. Служанка взяла меня на руки и без происшествий отнесла в ясли, где, поев, я заснул.

С того дня меня выносили гулять ежедневно. На тренировочной площадке я иногда видел тренирующихся солдат, а однажды даже застал тренирующихся женщин. Наконец-то я разобрался в назначении странного оружия на поясе. Это оказалась составная плеть. Она состояла из очень острых пластин, похожих по форме на наконечники стрел. Плеть была оружием не только средней дистанции, но также и дальнего боя. В этом варианте использования во время хлесткого удара последнее звено отсоединялось магически и силой инерции устремлялось в направлении цели. Строй высоких, пропорционально мускулистых, беловолосых женщин-воинов, затянутых в черные кожаные доспехи, закрывающие все тело (даже на лицах были черные маски с узкими и длинными глазными щелями), впечатлял. Я начал их называть «жрицы». Командовала ими неуловимо знакомая черноволосая женщина в белой маске с черными знаками. Очевидно, это была одна из моих сестер. Командирша прошла вдоль строя туда-сюда, зычно пролаяла какую-то команду (жрицы слитным движением построились в две колонны) и, продолжая что-то лаять, во главе отряда покинула дворик-плац. Мда уж. Побыстрее бы стать взрослым – я тоже хочу на задание, и чтоб кровищи по колено.

Пытаюсь спать днем до прогулки, а ночью, когда никто за мной не следит и не отвлекает, работаю над однажды виденным заклинанием. Хотя это нельзя назвать словом «работа». Заклинание я назвал – Исцеление. Когда его колдова-

ла охранница, из ее пальцев буквально вырвались ярко-зеленые жгуты, напоминающие ионизированный газ. Повисев пару мгновений, этот клубок перепутанной светящейся проволоки почти сразу собрался в нечто вроде такой же ярко-зеленой светящейся паутины, упал на мать и сразу впитался в кожу. Вопрос только один. Как охранница вызвала свою силу? Однажды мне удалось пальцами дотянуться до светящихся веток над кроватью, но я ничего не почувствовал. Наверное, и не должен был. Так прошло еще два месяца.

После долгих раздумий я решил, что если я вижу магические конструкторы наиболее хорошо, только максимально расслабившись, то и силу внутри себя я должен почувствовать тогда же.

Моя жизнь между тем шла своим чередом. Черная служанка, посоветовавшись (именно посоветовавшись, а не получив приказ) с матерью, научила меня пользоваться местным аналогом унитаза. Чему я был одновременно рад и огорчен. Огорчен тем, что у меня забрали единственную одежду – мой родной подгузник, оставив меня в чем мать родила. Вдобавок меня перевели из ставших родными яслей в отдельные покои. Они тогда почудились мне огромными и состояли из небольшой гостиной, спальни и санузла с большой ванной. Комната мне тогда показалась хоромами, а кровать – футбольным полем. Служанка также научила меня пользоваться ванной. Принцип краников был похож на родной, но смесителя не было. Один краник включал ледяную воду, а

другой – кипяток. Естественно, душа при такой системе не существовало. Странно, смеситель же вроде простая вещь. Впрочем, все гениальное – просто...

Служанка на ночь оставалась спать в гостинке на узком диване. И когда мне было ночами одиноко, я подлезал ей под бок, прижимаясь к ее теплоте обнаженному телу. Кстати, строение тела у темных было такое же, как мое. Отличались они только цветом кожи, ну и лицом с ушами. Проснувшись утром, она меня относила на мою кровать и укрывала.

Поразмыслив и понаблюдав за окружающими, я понял, что черные по-собачьи преданы моей семье. Если серые могли даже спорить с матерью, то черные безропотно выполняли *любой* приказ или ее решение.

Однажды сбившись, я перестал считать дни. Толку-то. Когда-нибудь же мне скажут мой возраст?

Примерно через четыре месяца однообразной жизни в своих покоях у меня наконец-то получилось нащупать свою силу. Это случилось, когда я засыпал под боком служанки. Погружаясь во тьму, которая мне заменяла сон, я просто ее ощутил. Как будто я начал ощущать контуры меча сквозь туманную пелену. Но я не успел осознать этого и заснул.

Тем горше было настроение утром. Но из этого я сделал два вывода: сила у меня есть и, возможно, с тренировками и возрастом она станет доступной.

Шли недели. Ощущение силы повторялось все чаще, пока я не стал ощущать ее постоянно перед сном. Видение сило-

вых линий теперь было со мной постоянно и не прерывалось, даже когда я активно двигался. Мать я видел все реже.

Во время прогулок служанка не пускала меня никуда из песчаного двора. Сидя на тротуаре, я наблюдал, казалось, за вечно куда-то спешащими черными и также вечно тренирующимися солдатами. Причем отца или кого-то из родственников я не видел здесь ни разу. Вероятно, они тренируются в другом месте, так же как и жрицы с магами. Временами мимо пробегали стайки серых и черных детей, но таких, как я, среди них не видел. Очевидно, подобные игры пройдут также и мимо меня. Как же мне иногда хочется ошибаться в своих выводах... Наверно, из-за моего возраста меня не учат языку и грамоте, но, я думаю, это скоро начнется. Я поднял глаза выше, глядя поверх крыш вдаль. Между сталактитов-дворцов временами что-то летало. За моей спиной возвышалась чудовищная колонна дома, подавляющая своим величием. Временами я видел странных крылатых существ, живущих на потолке и в основании самого сталакти-та. А однажды я даже видел глаза-угли, смотрящие сверху на меня. Какого же размера существо пряталось во тьме? Из-за этого я часто садился спиной к дому.

Было спокойно, на меня снизошло умиротворение. Мне даже не мешали снующие слуги, визжащая ребятня и тренирующиеся в полный контакт солдаты. Я прикрыл глаза и почувствовал свою силу... По ощущениям, она была похожа на замершее облако полупрозрачного багрового пламени. Я тя-

ну руку к нему – оно тянется ко мне и, дотянувшись, вливается в меня через пальцы правой руки, но не до конца – остается висеть примерно треть... Сзади меня раздается испуганный возглас служанки. Хоть бы она не сбила концентрацию... Я открываю глаза. Я спокоен. Я спокоен... Над моей ладоншкой зависло давешнее оранжевое пламя. Чуть шевелю пальцами – пламя как бы пытается повторить мои движения. «Ты – часть меня». Пламя чуть волнуется в ответ. «Ты принадлежишь мне...» Пламя мгновенно взмывает метров на пять, раздувается и зависает невесомым светящимся туманом. Меня переполняют ощущения гордости и радости. Так радуется щенок, идущий рядом с хозяином. Это не мои эмоции. Я поднимаю глаза – пламя резко уплотняется и превращается в пылающую птицу. Птица висит в воздухе, расправив немаленькие крылья. Она опускает голову к моему лицу. Я не чувствую жара – лишь тепло. Провожу рукой по твердому клюву и мягким перьям головы и шеи. Птице нравится, но в следующую секунду она недовольно смотрит мне за спину, издает крик-клекот, похожий на громкий крик индюка, и очень быстро вытягивается мне в ладонь, оставляя ощущение жара и могущества. Я оборачиваюсь и вижу испуганную старшую сестру. Приплыли.

5. Учеба и постижение

Похоже, две старшие сестры и мать цапаются. Я сижу на мягком диванчике и стараюсь не отвечивать, проговаривая про себя мантру «меня нет, меня здесь нет». В углу также пытаются слиться с местностью отец. В конце концов они достигают консенсуса, мать подходит к отцу, тыкает в него пальчиком, что-то шипя, и уводит его. Две старшие сестры достают из столика деревянный стакан и две деревянные палочки с непонятными знаками. Бросив палочки в стакан, одна из них быстро трясет его, другая, не глядя, тянет палочку. Не понял – они что, меня разыгрывают? Та, что левее, недовольно цокает языком и, вздохнув, внимательно смотрит на меня. К чему бы...

На следующий день выспаться мне не дали. Разбудила меня служанка. В руках она держала штанишки и маленькую курточку. Уже одно это окончательно прогнало сон. Я сам натянул одежду, служанка только помогла справиться с застежками, и вышел в гостинку. Здесь меня поджидали невысокий столик и маленькая табуреточка. На столике стояла моя еда, но не в бутылочке, а в обычной, пусть и маленькой, чашечке. Молоко стало гуще. Интересно, что туда добавляю? Надеюсь, вреда не будет.

После завтрака меня повели в другую часть дома. Меня сюда раньше не пускала служанка, и все здесь было мне в

новинку. На стенах были вырезаны батальные барельефы, а на самых ответственных местах даже горельефы, изображающие Высших, применяющих заклинания либо держащих оружие в руках. Свернув за угол, мы вошли в длинный, слабо освещенный коридор. Справа был ряд дверей – слева ниши со стоящими в них статуями Высших. Как я определил, что везде изображены Высшие? Просто – по длине ушей. Статуи в два человеческих роста в основном изображали женщин. Мужчин же практически не было – пара на входе и пара в середине. Вот такое вот матриархальное общество. Интересно, а моя статуя будет здесь стоять, хоть когда-нибудь? Мечты, мечты... Поднявшись еще по одной лестнице и миновав пару поворотов очередного коридора со статуями Высших, я, держась за руку служанки, вошел в... библиотеку! Это была самая величественная библиотека из всех немногих, что я видел! Арочный потолок был высотой метров двенадцать, ширина помещения около – я взглянул на служанку – тридцати, а длина около семидесяти. Книжные шкафы были расставлены в два ряда и содержали множество аккуратных книг, скрученных свитков и сшитых рукописей. Сзади раздались мягкие шаги. Обернувшись, я увидел входящую проигравшую старшую сестру в сопровождении серого мужчины в простой одежде и серой женщины в красивом платье. Сестра, коротко переговорив с ними, удалилась за отдаленный стол и, сев за ним, взяла какую-то книгу, начав увлеченно читать. Наверно, предосторожность, чтобы я не спалил

библиотеку. Служанка меня усадила на стул, и я понял, что вижу перед собой своих первых учителей. Сходя в глубину библиотеки, женщина принесла толстую красивую книгу – мой букварь. Учеба началась.

Для меня было шоком понять, что букв в местном языке – пятьдесят две, а цифр – сто, то есть используется старинная система исчисления. Часов в сутках было двадцать пять, в местной минуте было сто секунд, и минут в часе тоже было сто. Год длился триста девяносто семь дней, каждый третий год был на день короче. Месяцев было восемь – по два в каждом квартале. В каждом месяце было примерно по пятьдесят дней. Это было похоже на пытку – я не думал, что все окажется так сложно. Впрочем, голова у меня варила хорошо, и даже алфавит мне постепенно поддавался. Заодно учителя учили меня разговорному языку – мужчина создавал заклинанием фантом предмета, а женщина великолепным голосом произносила его название. Я пытался повторять за ней – получалось откровенно плохо. Но даже такой результат очень радовал моих учителей.

Я неожиданно быстро устал, и учителя, увидев это, закончили урок. Служанка взяла меня на руки и отнесла в покои покормить. После за мной зашла сестра, и, опять на руках служанки, я попутешествовал по длинным коридорам за ней. Свернув за очередной поворот, мы очутились еще на одной большой ромбовидной площадке. Ее можно было бы назвать зеркальным двойником тренировочной площадки, ес-

ли бы песчаный пол не был разделен на множество одинаковых ромбовидных площадочек. Здесь было много сидящих серых мужчин и женщин, а вдалеке я даже увидел своих маленьких сестер. Каждый сидел на своем ромбике. А вот одна жрица соединила два ромбика в большой параллелепипед. Я чувствовал здесь бурлящую силу. Всмотревшись, понял, что площадки образованы силовыми плоскостями, которые поднимаются вертикально вверх, удерживая в пределах граней белый песок, играющий роль подстилки. Между площадками были свободные от песка дорожки, шириной около полуметра, ограниченные силовыми стенами песочных ромбиков. Местные сидели в разнообразных позах – кто-то даже лежал на боку, глядя на разложенные перед собой листы бумаги. Я, сосредоточившись, с интересом посмотрел на медитирующих и увидел вырывающиеся из их тел протуберанцы разноцветной энергии. Некоторые из них вяло шевелились, иногда сплетаясь в причудливые узелки и формы, другие, наоборот, замерли в виде истончающихся шипов, пытающихся пробить щиты. Кстати, большинство энергощупов были черного или серого цвета. Неожиданно черные щупальца соседней жрицы, пытающейся ими что-то связать, лопнули, и узел черной энергии со звонким ударом кнута расплющился о яростно заискривший щит, мгновенно из неосязаемого ставший полупрозрачной стеной фиолетового оттенка. Жрица, под смешки соседей, ругнулась и невозмутимо начала новую попытку сплести очередной узел. Черная же клякса на щите

начала медленно истаивать в воздухе, фиолетовый щит параллельно тоже становился опять прозрачным. Та-ак... на-мек понятен – нефиг на тренировочной площадке с магией баловаться, для этого есть медитативная. Понять бы, как щиты включать и выключать. Ну, я думаю, мне это сейчас покажут. И точно, сестра со служанкой повели меня по дорожкам среди медитирующих. Чем дальше мы шли, тем больше на нас обращали внимания, а когда мы, наконец, добрались до свободной площадки, на нас смотрели почти все. Как только мы шагнули на песок, щит включился. Так просто? Заведя меня на песок, сестра без помех выбралась, на дорожку, оставив меня на площадочке. Я оглянулся, на меня смотрели все окружающие. Не понял, я вам что, клоун? Ладно-ладно, будет вам представление! Сев на колени, закрыл глаза и обратился к дремлющей силе. Я с закрытыми глазами неожиданно ощутил барьер вокруг себя – он казался жесткой, чуть пружинящей стеной, даже немного приятной и гладкой как стекло. Пламя внутри меня приняло форму птицы – захотев свободы, та вопросительно курлыкнула. Да... Иди... Медленно открываю глаза – птица уже вытекла из руки и висела передо мной на расстоянии вытянутой руки. Ее связывал со мной, словно поводок, ярко-оранжевый жгут силы, растущий из ладони. Птица, сложив крылья, села передо мной на песок и, распушив хвост, словно павлин, издала довольный клеткот. Я раскрыл свою силу и плеснул часть через провод птице – она сразу же выросла почти в два раза, навис-

нув надо мной и став намного плотнее. А если бы я плеснул все? Щиты за ее спиной быстро становились непрозрачными. Я немного испугался и обратился к неподвижно застывшей птице. Иди назад... Птица недовольно курлыкнула и так же быстро, как и в прошлый раз, втянулась в правую руку. Мне показалось, что пламя прошептало внутри меня «Аоре ил'нтаро». Интересно, а какой предел у фиолетовой защиты? Как-нибудь потом узнаю. Я попытался связать узелок из энергощупалец – ничего, естественно, не вышло, и энергия, запасенная в щупальцах, потекла, превращаясь в струю огня. Классно, у меня есть ручной огнемет! Вскочив, я отбежал в ближний острый угол и, влив больше энергии, расплескал необычное ярко-красное пламя по противоположной стене. Пламя завывало и заревело. Я добавил ток еще и начал водить струей по щиту равномерно, поливая огнем по непрозрачному фиолетовому щиту. Струя огня на выходе из ладони была довольно толстой, но пальцами ее можно было сжать до толщины жутко свистящей спицы. Сжав же кулак, мне удалось собрать огонь в нечто вроде сгустка, который, как только я разжал пальцы, унесся вправо, используя пальцы как направляющие, и, врезавшись в щит, буквально охватил все четыре стены. Через пару минут беготни и экспериментов с огнеметом я догадался заглянуть внутрь своего дара и обнаружил, что он значительно опустел. Осознав это, я перекрыл вентиль, «выключив» свой огнемет. Я попытался выйти через фиолетовый щит, но только больно бахнул лбом о глад-

кую поверхность. Значит, щит не пускает, если непрозрачен. Тыкнув в него пальцем, я понял, что он быстро теряет плотность. Я оглянулся, поискав глазами не такое фиолетовое место, и увидел, что сквозь дальний, почти прозрачный угол проникает взволнованная сестра. Внезапно я почувствовал вонь и, опустив глаза на рукав курточки, увидел, что он тлеет. До меня дошло, что если мое пламя не вредит мне, то еще не значит, что подобное выдержит моя одежда. Придется раздеваться перед экспериментами, а одежду оставлять за щитом. Наверное, есть какие-то личные щиты, защищающие от негативных воздействий своих экспериментов и не только. Сестра, наконец-то продавив щит своим телом, оказалась внутри площадки и, слитным движением оказавшись рядом, схватила меня за ухо. Подтянув на один уровень со своим лицом, она что-то раздраженно и в то же время облегченно прошипела и поставила меня обратно. Мое ухо горело огнем. На глаза навернулись слезы, но я сдержался. И гордо посмотрел на нее. Неожиданно сестра звонко рассмеялась и, дав мне слегка по попе, снова оставила здесь. Сев на песок, я понял, что надо придумать, чем заняться. Я решил гонять энергию из дара в правый кулак, собирая энергию в сгусток. Получалось откровенно плохо, и неожиданно меня позвала сестра. Как быстро пролетело время. Похоже, вот и пора на ужин и спатки. Когда меня обратно несла служанка, я всюду звал. Ничего, завтра после занятий я вернусь.

Кстати, я внезапно осознал, что до сих пор являюсь безы-

мянным. Когда окружающие говорят обо мне, они используют нечто вроде «ребенок», «он», «Высший». У всех же остальных имена есть. С чем же это связано? С трудом составляя слова и коверкая буквы, мне удалось спросить у учителей причину. Меня просветили, что, когда мне исполнится местный год, мне будет дано имя в храме Верховной богини Тьмы Элос. Да-да, именно так высокопарно. Объяснение и осознание этого ответа заняло около получаса. Но уже этому непростому подобию диалога я был рад. Еще немного, и я получу ответы на многие вопросы. Что ж еще немного потерплю.

На медитативной площадке все происходило почти без изменений, разве что сгусток получался чуть быстрее. Да, я обнаружил, что на полное восстановление моего дара требуется несколько часов и, выдохшись вечером, я просыпался утром полностью восстановившимся. Вдобавок мне начало казаться, что дар не только растет вместе со мной, но и меняется – внутри пламени я стал наблюдать странные разноцветные прожилки. Глядя на них, возникало чувство, что им там не очень, но вытащить их из оболочки огня не получалось. Ну ничего, вода камень точит, а вообще бесплотный огонь – плавит.

Учеба шла с переменным успехом: если разговорную речь я уже начал более или менее понимать, то с произношением и письмом были проблемы.

День рождения у местных, как объясняли мне учителя, не

празднуется. Дело в том, что местные от старости практически не умирают. Да и как тут состариться, если старость наступает примерно в двадцать, а то и в тридцать тысяч лет. Я, не поверив, дважды переспрашивал учителей, но ответ был тот же. На данный же момент в городе живет лишь двадцать Высших, чей возраст больше двух тысяч лет. Причина? Ответ прост – постоянные войны. Это ответ почти на все вопросы, касающиеся общества местных. Вдобавок старики внешне не меняются, а дар имеет свойство с возрастом медленно расти и примерно за тысячу лет удваивается. Представив свой дар лет этак в тысячу, я икнул от страха. Кстати, название города Альверист'ас – перевод с древнего «приносящий боль своим видом». Надеюсь, мне ответят, почему у него такое название, но ответ, я уже чувствую, мне не понравится... Население города составляет примерно триста тысяч взрослых особей моего народа и почти три миллиона рабов других народов.

Каждый ответ на мой вопрос рождал ворох новых вопросов. У меня даже возникла идея их записывать на русском, но она с треском провалилась. Тело *не* умело писать – странные каракули, получавшиеся у меня, буквами было назвать-сложно. Вдобавок я быстро уставал, и примерно через два часа занятий меня начинало клонить в сон – какие уж тут эксперименты с родным языком, тут бы местные освоить... А с ними-то и были проблемы: расположить в слове подряд несколько гласных или сделать слово из одних гласных

– это было для мистических Древних раз плюнуть. К примеру: «аеоза» – цвет запекшейся крови, «кхриао» – серпообразное, с двухсторонней заточкой оружие. В общем, жуть берет. А мне еще это надо не только проговаривать, но даже как бы пропевать.

В общем, в нашем городе-государстве местное население делится на высших – правителей и магов, серых – воинов и магов, и черных – слугителей и мастеровых.

Конечно, не все профессии так разграничены по происхождению, но, например, серая жрица не сможет никогда стать правительницей дома. Соотношение населения примерно 1:50:200 соответственно. Да-да, на одного Высшего в среднем приходится пятьдесят серых и около двухсот слуг. Но это не значит, что за мной или матерью бегают двести черных слуг и ловит каждое ее слово. Конечно же нет. Более половины черных вместе с рабами заняты на подземных плантациях грибов, а также на разнообразных работах: от кузнецов и плотников до швей. И лишь небольшая часть из них (как правило, наиболее красивых) становится личными слугами серых и высших. Ни одному рабу не позволено служить напрямую высшим. Чересчур уж мы ценны.

Ситуация вырисовывается такая:

Высшие. Аристократы. Богоизбранные. Официальное самоназвание – атар, что в переводе с древнего языка то же самое и означает. Нам открыты лишь два пути. Боги хорошо одарили нас, и каждый обладает очень сильным магиче-

ским даром. Вдобавок мы чуть быстрее и сильнее, а также намного красивее. Обладая более ясным рассудком, способны на взвешенные суждения даже в самых критических ситуациях. Одним словом, прирожденные полевые командиры и недостижимая для остальных двух классов элита войсковых формирований. Хочешь – воюй, хочешь – помогай матриарху дома в управлении, либо совмещай эти два пути. Но есть определенные нюансы нашего существования. Основной из них выглядит очень неприглядно.

При гибели всех Высших дом перестает существовать, и его выставляют на торги как единое целое. Для существования дома должен остаться хоть один атар, даже если он (она) только-только родился. Отсюда вывод: для уничтожения любого дома достаточно выбить всех высших и – все, враг повержен. Вот почему за всеми высшими ведется внутригородская необъявленная охота и без охраны, невзирая на всю нашу крутость и самомнение, нам лучше за пределами дома не появляться. После гибели высших дом утрачивает имя и выставляется на торги, но не вливается в дом, купивший его, а туда уходят некоторые из атар покупателя. Дом получает новое имя, чуть изменяя имя покупателя. И все – новый дом готов. Нужно отметить, что дом никогда не предает своих высших и обязательно выкупает их (если они, конечно, живы) из плена. Невзирая на такие перспективы, жизнь жриц атар не является сплошным замкнутым кругом: зачатие – беременность – рождение очередного высшего – зачатие. Есть

же еще самосовершенствование да Внешний Мир, и разнообразные развлечения с ним, в том числе дипломатия и войны.

Война. Нет более сладкого слова для слуха Богоизбранного. Во время внешней войны забываются все внутренние распри и прекращаются гражданские стычки. Конечно, это не мешает всунуть лезвие кинжала между ребер, но только не во вред общему делу и не в открытую. Плюс ко всему, во время войны атары не только остаются над этими разборками, но даже греют постель и обрабатывают друг другу раны, будучи из разных домов. Одним словом – элита.

Серые. Официальное название – атретас. В переводе с древнего – «клинок» (имеется в виду заточенная часть меча). Лично я думаю, что они – плод греха высших и черных, но может, я и ошибаюсь. Намного более слабые маги (часто даже десятикратно), чем высшие. Чуть слабее, чуть медленнее атар. В общей массе менее красивы. Хотя бывают и исключения, а также разнообразные ненормальные отклонения в магическом даре. Бывают индивидуумы вообще без дара. Основной костяк военных формирований. Особого преклонения или уважения к высшим я не наблюдал. Но вместе с тем они способны отдать жизнь за одного из нас. Злопамятны, но помнят и добро. Дети от аристократов с большой вероятностью рождаются высшими, от черных – всегда серыми. Я иногда думаю, что будущее будет за серыми. Хотя все может измениться.

Серый может стать кем ему угодно, от воина до торговца. Серый может не состоять в доме. Серый может много чего. Единственное, чего он не может: официально стать во главе дома.

Черные. Официальное название – орин, слуга. Наиболее многочисленная прослойка населения, кроме рабов. Почитают за честь переспать с высшим или серым. Не способны возражать атарам и, если его не понимают, могут дословно исполнять наши приказы. Иногда «виснут», если им отдают взаимоисключающие приказы. Практически лишены дара, но и здесь бывают исключения. Как солдаты представляют собой пушечное мясо, способное только замедлить даже в пятеро уступающих им в численности серых. Хотя тренировками черных никто не занимался, и я думаю, если долго помучиться, что-то точно получится.

Переход из одного сословия в иное – невероятное событие, достойное того, чтобы быть занесено в историю. У нас в доме есть такая аномалия – серая по правам, но черная по рождению жрица по имени Арихитос, названная в честь бога Безумного Смеха Ихитоса. История ее рождения достойна того, чтобы быть исключением из правил. Мне ее рассказали как сказку на ночь, но, в отличие от сказки, от нее веяло правдой.

Мой дядя во время одного похода на ахерезов, это такой народ, живущий где-то относительно недалеко, получил ранение. Его выхаживала молоденькая черная служка. Чем ему

она приглянулась – неизвестно, но через год родилась маленькая орин с необычной внешностью и большим даром. Будущая жрица отличалась от высших только иссиня-черной кожей. И на Большом Совете дома ей, не без скрипа, был присвоен статус жрицы атретаса.

Сейчас, спустя две сотни лет, она блистает, словно сверхновая на ночном небе, притягивая к себе взор. Что уж тут говорить – свою первую ночь трое моих братьев провели с ней, что не добавило ей популярности среди остальных жриц атретаса.

Кстати, такого понятия, как «брак», местные не знают. В основном из-за свободолюбия и главенства в иерархии женщин. Взаимоотношения полов напоминают взаимоотношения земных тигров – столкнулись, переспали, разбежались. Отец, может, и захотел бы участвовать в воспитании ребенка, да кто ему даст? Хотя, как я понял, тут из любого правила бывают исключения. Обычно куратором малыша назначается кто-то из старших родственников, не занятых в настоящее время.

Шли дни и недели моей неспешной жизни, пока наконец-то не наступило событие, которого я ждал.

* * *

Сегодня мне исполнился год, и я впервые покину дом. Суматоха же в доме началась за день до события – атретасы

начищали доспехи, приводили в порядок и полировали оружие.

Скоро мне дадут имя. Тут нужно сказать, что мать уже придумала мне имя и подтвердила его в храме Верховной богини Элос, осталась лишь официальная часть.

Ашерас ат И'си'тор. В переводе мое имя значит «Огнеглазый», «ат» – из, «И'си'тор» – имя дома. Доигрался я с огнем. Хорошо хоть, не «Огнеухий» или не «Огнежопый». А так даже нормально – имечко у меня внушает. Вот подрасту, отправлюсь на вылазку, заработаю дурную репутацию жестокого маньяка, и пойдет мое имя по устам, и будут пугаться меня вражины моего дома. Мечты, мечты...

Две служанки одели меня в свободные шелковые маленькие штаники черного цвета и черную курточку с золотой вышивкой на спине знака дома (обычно черный прямоугольник символа дома был обшит по контуру синим). Когда меня одели, моя служанка взяла меня на руки и вынесла из комнаты. Мы двигались по коридору, опоясывающему внутренние дворики по второму этажу. Я здесь еще не был. Спустившись по паре лестниц, мы попали во внешний двор, к нашему прибытию уже забитый атретасами, сидящими верхом на странных кошках, напоминающих цветом пантер, но со строением тела, больше похожим на строение гепарда. Внешний двор был большим и спокойно помещал около двухсот атретасов на своих кошках. Кошки вели себя спокойно, лишь иногда поворачивая голову к хозяйке-незднице, которая тут же на-

чинала сюсюкать и успокаивать свою «лошадь». Я заметил, что на кошках нет седел, а только запутанная система ремней, за которую и держались жрицы. Мужчины располагались особняком, и лишь половина из них сидела на черных кошках. Другая часть была в тяжелых металлических доспехах и сидела на любопытных двуногих ящерах, тоже частично заключенных в металл. Если наездники на кошках имели дополнительно короткие копья и арбалеты, то всадники на ящерах были вооружены длинными четырехметровыми пиками и луками. Спереди всех стоял крупный четырехногий ящер, на спине которого было установлено нечто вроде будки паланкина, вдобавок у него был погонщик. Атретасы зашевелились и замерли – из бокового прохода появилась мать. Глядя на обилие драгоценностей и практически полное отсутствие одежды, даже я пораженно выдохнул – что уж говорить об остальных... Красивее зрелище еще поискать. Мать, довольная произведенным эффектом, подошла к моей служанке и взяла меня на правую руку. Четверо высоких орин подняли мою мать на уровень паланкина, куда она и забралась со мной. Как только она устроилась на узком мягком сиденье, то тут же крикнула приказ на движение. Створка каменных ворот почти бесшумно отъехала по направляющим, и колонна войск начала вытягиваться наружу.

У ящера оказался очень мягкий ход – паланкин практически не качало, поэтому я вертел головой во все стороны, не особо заботясь о том, за что я держусь.

Альверист'ас был густонаселенным городом с двух-, трех- и даже пятиэтажными, разнообразными по архитектуре домами. Здесь соседствовало друг с другом все: и странные тонкие башенки, и непонятно как держащиеся в воздухе кубы, соединенные тонкими переходами, и странные раскаленные парящие обломки скал, соединенные цепями, и нечто, похожее на рощу красивых развесистых деревьев, с летающими вокруг них светлячками, а однажды мы проехали вообще ровный пустырь со ступенями лестницы, идущей вглубь. Подняв глаза выше, я увидел вдалеке звездообразный пролом в потолке гигантской пещеры. Сквозь него под углом падал белый свет и отражался от... воды? Говорил я пока плохо, но достаточно, чтоб задать вопрос, указывая пальцем и поворачиваясь к матери:

– Что это?

– Море Мертвых Хорус, – ответила мать, задумчиво глядя на белый свет.

Наш дом остался позади, скрытый пятиэтажными домами. Существ на улицах стало намного больше. А сами улицы – шире. Я стал рассматривать любопытствующих. Чего тут только не было. Энергоауры и разноцветные энергошупы причудливо шевелились, мешая толком рассмотреть отдельных существ. Я сосредоточился, уменьшая восприятие, и с трудом начал воспринимать в деталях отдельных особей. Мой взгляд скользил по толпам – я с интересом смотрел на разнообразных существ: некоторые имели щупаль-

да и отвратные белесые глаза, вокруг них было относительно свободное пространство. Очевидно, их соседство было чем-то неприятно, странные бородастые карлики, ростом на полторы-две головы ниже орин, стоящих рядом, были одеты в пластинчатую броню, а на головах имели шлемы; темнокожие, бритые почти налысо, мускулистые гиганты в грубых стеганых куртках и кожаных штанах соседствовали с совсем невысокими, носатыми, зеленокожими карликами, одетыми в невзрачную и грязную одежду. Но мы двигались мимо, и мой взгляд внезапно наткнулся на знакомые фигуры. Да ведь это же люди! Смуглые, в странной одежде, надевшей поверх кольчуг, вооруженные саблями и прямыми мечами, наподобие клейморов, но все-таки люди. Хм, значит, здесь есть и люди... Я расслабил зрение – у людей оказалась развита энергетика. Конечно, до нас им как нам до богов, но все же уровень чуть ниже среднего, а это внушительно. Людей было всего четверо, но они чувствовали себя в безопасности. Я снова сосредоточился – один из них был седой и имел короткую опрятную бородку. Возникло впечатление, что его энергетика была частично скрыта. Старик поднял глаза, и мы с ним встретились взглядом. В следующее мгновение мне показалось, что между нами образовалась какая-то связь, по которой как будто полезли щупальца-черви. Всего лишь за мгновение до контакта их со мной я в ужасе успеваю раскрыть дар и ударить по связи огненной энергией. Связь, словно струна, тут же лопнула. Все остальные собы-

тия слились в четыре-пять секунд. Старика отбрасывает назад – его трое спутников разворачиваются, и самого левого буквально сносит залпом арбалетных болтов. Центральный человек получает в спину мутный заряд, сорвавшийся с руки жрицы, возникает впечатление, что ему в спину ударил задним копытом полутонна бык – хруст ломаемых костей слышно даже через крики толпы. Мать разворачивается и, не разбирая, наносит удар самой сутью Тьмы. Посреди толпы будто бы ударил черным кулаком гигант – во все стороны брызжет кровь, вперемешку с осколками камня. Удар размывает начавшего шевелиться старика и десяток его невольных соседей. Стоящего справа человека тем временем сбивает с ног наездник на пантере, и большая кошка прижимает соучастника к земле лапой, его дополнительно контролируют две жрицы, распустившие свои стальные плети. Все три человека живы – даже похожий на ежа из-за поразивших его болтов первый парень. Да люди ли это? На них набрасывают стальные сети и, смотав в растяжку между всадниками, волокут в сторону дома. Мать, оставив меня в будочке, ловко спрыгивает на землю и, звякая драгоценностями, подходит к размазанным останкам старика. По-моему, нюхает воздух и, темнее тучи, возвращается обратно.

– Кто это? – спрашиваю я, но мать, скосив свои красивые глаза на меня, молчит.

Колонна снова двигается дальше. Вот только любопытные смотрят теперь издалека и держась группами, да я испуган-

но смотрю по сторонам, выискивая «заглушенные» энергоауры. Но ничего опасного до самого храма Элос больше не произошло.

Сам храм представлял собой пирамиду из черного камня, стоящего на восьми очень широких и невысоких квадратных колоннах – по четыре с каждой стороны. Мы остановились возле одной, и мать, со мной на руках, поднялась по лестнице шириной с фасад храма. Часть атретасов последовала за нами.

Поднявшись по лестнице, мы вошли через парадный вход в храм. Здесь меня ждало потрясение – пирамида была поллой и ее, словно перевернутую чашу, заполняла Тьма. Тьма напоминала очень густой черный туман. Она постоянно шевелилась и создавала на своей границе множество образов. Мне казалось, что внутри пирамиды спрятался огромный спрут, беспрестанно шевелящий своими щупальцами-змеями. Мать же уверенно продолжала свой путь. Войдя в круг, начертанный в середине огромной квадратной каменной площадки, мать остановилась и подняла свой взгляд вверх, произнеся:

– Я пришла, прародительница, как приходила до этого. За благословением для своего сына.

От звука голоса матери поверхность Тьмы успокоилась и сильно уплотнилась, став похожей на черную воду. С этого черного «потолка» вынырнуло что-то похожее на бугор, медленно увеличивающийся в нашу сторону. «Бугор» медлен-

но менялся, пока не принял образ спускающейся по ступеням женщины, закутанной во мрак. Ступени возникали из тьмы в тот момент, когда она должна была поставить ногу на нее, и так и оставались висеть в воздухе, образуя красивую черную лестницу. Чем ниже спускалась Элос, тем плотнее становилось ее тело, пока черный туман не принял форму высокой статной белокожей женщины. Ее белые волосы были собраны в не совсем традиционную для местных тугую и толстую косу, которая спускалась практически до колен, создавая впечатление странного, словно скорпионьего, хвоста. Богиня не имела одежды в привычном понимании – ее тело было покрыто, словно второй кожей, тонким слоем чуть парящего мрака, оставлявшего не покрытыми лишь тонкие и изящные кисти рук да голову. Мрак был достаточно плотным, чтобы нельзя было сказать, что Элос была обнажена, но в то же время плотно обволакивал ее тело, подчеркивая его идеальные пропорции. На узком худощавом лице застыло выражение равнодушия. Когда я взглянул в глаза богини, то увидел там лишь густую шевелящуюся тьму, напоминающую нефть.

При виде ее мать опустила голову, а атретасы, с легким лязгом, упали на колени.

Раздавшийся звук голоса Элос, казалось, рождался в каждой точке ее храма.

– Я вижу, Таенори, ты в плохом настроении? Что случилось? – Богиня позволила себе легкую ухмылку.

– На нас напали в пути, моя богиня.

– И кто же посмел побеспокоить матриарха в такой день?

– Я не знаю, моя богиня, но в нападении участвовал высший вампир со своим выводком.

– Наверное, это было весело! – Богиня звонко рассмеялась. – Но мы здесь не из-за этого, ведь так? – вкрадчиво поинтересовалась он. а – Это твой сын?

– Да, моя богиня. Мы с арирами вашего храма уже утвердили его имя.

– Что ж, утвердили так утвердили, – внезапно богиня, входящаяся метрах в десяти от нас, очутилась рядом. Мать от неожиданности отшатнулась в сторону. – Дай мне его!

Мать, напрягшись, протянула меня богине.

Я почувствовал страх матери и свой нарастающий ужас. Богиня взяла меня на руки и посмотрела мне в глаза: «У тебя будут столетия, чтобы привыкнуть к своему новому имени». Это была явно не моя мысль, но ключевое слово в ней было «будут». Значит, я переживу данный отрезок времени.

Мне показалось, что меня засасывает. Мой дар раскрылся сам, и гигантский столб пламени оказался жалким огоньком спички в огромном темном ангаре. Чужая сила заставила столб багрового пламени раскрыться цветком, выпуская из себя разноцветные прожилки, которые, обретя свободу, тут же свернулись в восемь разноцветных сфер, собравшихся в две окружности вокруг центра. Оранжевое пламя моего дара стало гаснуть, но разноцветные сферы начали испус-

кату энергию, которая, словно туман, стала выпадать на центральную точку. Когда пламя, наконец, погасло, его место уже занимал довольно плотный сгусток энергии, напоминающий звезду с ее хаотично возникающими протуберанцами.

В следующее мгновение я осознал себя на руках своей матери, несущей меня к выходу под зычно-звонкий смех Верховной богини Тьмы Элос.

Ощущение было как после полбутылки водки на голодный желудок. Мне временами казалось, что весь мир вращается вокруг меня, а временами было откровенно хреново. Под конец пути меня жутко укачало, и если бы было чем, я бы точно отводопадил.

Возвращение домой помнится смутно, а под конец я вообще заснул.

Часть вторая

1. Ненависть

Проснувшись на следующий день, я обнаружил в доме суету. Как мне объяснила служанка, сегодня день представления меня дому. Во всем доме будет вечером праздник, на котором объявят мое имя и представят меня родственникам.

Меня приодели чужие служанки и удалились, оставив меня сидеть на кровати. Вскоре появилась моя орин с маленькими расшитыми полусапожками – моей первой обувью. Надев ее с помощью орин, я почувствовал себя скованным. Орин помогла мне подняться, и я увидел себя в стоящем зеркале. На меня смотрел толстенький карапуз с короткими, чуть заостренными ушками, ослепительно белой кожей, круглым лицом и очень серьезным взглядом. Я вздохнул и пошел в гостинку завтракать. Завтрак тоже удивил – меня дожидалась маленькая тарелка какой-то каши и ставшее уже обыденным молоко. Поискав ложку, я обнаружил ее в руке моей орин – она всерьез решила меня кормить. Не буду я, наверно, выделяться – пусть кормит.

Съев кашу, я почувствовал себя бурдюком, неспособным к движению, но эту проблему решила моя служанка, взяв меня на руки и потащив вверх по ступеням. Через какое-то вре-

мя она принесла меня в чьи-то огромные покои. Спустя пару минут пришла мать, одетая, как обычно, в вызывающе легкомысленный наряд. Сделав нам знак следовать за ней, она распахнула высокие двустворчатые двери и вошла в помещение за ними. Это оказался почти обычный элитный, очень большой рабочий кабинет: в дальней стене было узкое, меньше полуметра, окно, боковые стены были заставлены книжными шкафами, буквально забитыми книгами, на полу лежал толстый ковер, на котором стоял письменный стол, с аккуратными стопками каких-то деловых документов и книг. Стены были обшиты чем-то очень похожим на лакированное дерево, а с серого потолка по углам свисали короткие магические светильники, светящиеся мягким желтоватым светом.

Мать обошла стол своей плывущей походкой и уселась в кресло, обтянутое темной кожей. Получившийся контраст белой кожи атар и темного кресла завораживал. Орин, под тяжелым взглядом матери, посадила меня в одно из кресел, расположенных напротив нее (мои ножки не доставали до пола), и замерла за моей спиной, почти не дыша. Мать, медленно оглядев меня, произнесла, скользнув взглядом из-под пушистых ресниц по свитку, лежащему перед ней на столе:

– Сейчас, мой сын, ты познакомишься со своими родственниками, сестрами и братьями. Хотя многие и считают, что это рано, я думаю, опираясь на доклад твоих учителей, что ты готов к вступлению в семью. Со всеми вытекающими правами и обязанностями. Ты меня понимаешь, Ашерас?

– Да, мать.

– И еще, с данного момента ты должен называть меня при любых встречах, где присутствует хоть кто-то, включая орин, кроме нас двоих, – матриарх и никак иначе. Я ясно выразилась?

Вот и первый айсберг.

– Да, матриарх.

– Ну что ж, хорошо, что я в тебе не ошиблась. – Мать встала с кресла и не спеша подошла ко мне. От ее походки я на мгновение забыл, где я и кто я. Остановившись рядом, мать протянула мне руку:

– Идем, Ашерас.

Мать взяла меня за правую руку и, наклонившись влево, из-за того что я доставал ей ладошкой только чуть выше колена, медленно вывела из кабинета. Пройдясь по длинному коридору, мы вошли в довольно большую комнату. Первое, что бросилось в глаза, – то, что все присутствующие в ней были атарами.

Почти все из них составляли пары, занятые разговором со своим оппонентом, и, на мой взгляд, в комнате был настоящий светский прием, где все почти равны по статусу и давно друг друга знают. Самая многочисленная группа состояла из высокого беловолосого высшего, разговаривающего с черноволосыми молодыми атарами, внимающими каждому его слову. Две мои старшие пепельноволосые сестры сидели в креслах напротив и сверлили друг друга взгляда-

ми. Две другие мои черноволосые сестры, намного моложе и ниже окружающих, почти дети, с интересом наблюдали и тихо комментировали их молчаливый поединок. Еще один высокий беловолосый атар разговаривал с моим отцом. Последняя беловолосая Высшая, будучи одетой только в боевые штаны с многочисленными ножнами с оружием, просто отдыхала полуобнаженной, сидя в глубоком кресле и держа золотой кубок в правой изящной руке, возлежащей на мягком подлокотнике. Ее куртка была пренебрежительно брошена на высокую спинку кресла. Выражением лица и позой тела она напоминала престарелую скупающую львицу, которую отнюдь не веселят игры малых львят перед ней и которой уже начхать на мнение всех, а в особенности на мнение туристов, фотографирующих ее из машины.

Но с приходом меня с матриархом все разговоры прекратились, и взгляды всех присутствующих устремились ко мне. Было довольно неприятно, и я наполовину спрятался за мать, что вызвало улыбки у всех. Мать вывела меня перед всеми в центр комнаты и, отпустив мою руку, громко и торжественно произнесла:

– Представляю вам нового члена нашего дома – Аше-раса ат И'си'тора!

После этого все присутствующие подняли правую руку ладонью вверх и неожиданно дружно произнесли, глядя на меня:

– Во славу дома И'си'тор!

После чего мать меня подвела к полуобнаженной жрице, развалившейся в кресле и с интересом рассматривающей меня.

– Моя младшая сестра, Арисна. Командует отрядом Глубинной стражи на нижних рубежах нашего дома, прибыла только лишь на праздники и скоро вернется обратно.

Группа из четырех атар разделилась и подошла к нам.

– Мой старший брат Арештар, служит там же. – Высокородный беловолосый чуть кивнул головой. – А это... – мать указала на старшего парня из троицы, – старший сын моей сестры Тедзиром, обучается в храме богини Яростной Схватки Реа... – Палец матери переместился на среднего Высшего: – Это мой сын Аксидор – учится в храме богини Вечной Печали Криаты, а это – младший сын моей сестры, Растиер, он пока не достиг первого совершеннолетия.

Матриарх подвела меня к двум пепельноволосым жрицам. Левая встала с кресла и, чуть склонив голову, произнесла:

– Мое имя Иситес, я – дочь Арисны и являюсь великой жрицей дома И'си'тор, занимаю пост командующего Разящего Копья, – она бросила взгляд нам за спины и заметно смутилась. – Это всадники на хиснах и ристах. – Еще больше смутившись, она села обратно.

Сидящая справа жрица поднялась и, хмыкнув, произнесла, снисходительно глядя на меня:

– Я Аресре, дочь Таенори, нашего матриарха. Командую внутренними отрядами атретасов и подразделениями ари-

ров Детей Элос. Иначе говоря – гвардией дома и разведывательно-диверсионными отрядами.

Две девочки тоже решили представиться первыми, не дожидаясь одного от матриарха. Первой шагнула вперед старшая и, вздернув подбородок, произнесла:

– Я Сираз, дочь Таенори – нашего матриарха.

Младшая девочка попыталась полностью скопировать старшую, но в ее исполнении это выглядело немного смешно. Во всяком случае, мне удалось удержаться от улыбки.

– Я Хеласреи, дочь Таенори – нашего матриарха.

Ее голос был звонким и настолько красивым, что выделялся даже среди голосов атар. Интересно, со временем он загрубеет или останется таким же красивым и добавит мелодичности?

Тем временем отец и его собеседник тоже подошли к нам, но не стали представляться первыми, терпеливо ожидая, когда матриарх обратит на них внимание.

– Это мои братья: Эхаэр... – ее палец указал сначала на собеседника отца, – и Сариехарна, твой отец.

М-да уж. О кровосмешении тут, похоже, никто никогда не слышал. Или, может, этого народа это правило не касается? Все-таки мы же не люди, и, вполне возможно, из-за развития магии и влияния богов этот фактор не учитывается вообще.

После всего этого моя семья начала куда-то собираться. Появившиеся слуги собрали пустую посуду. И моя семья, подождав одевающуюся тетю, пошли неорганизованной толпой

к выходу. Все идут не спеша, дабы я поспевал за остальными. К счастью, прежде чем я выдохся, мы подошли к широкой лестнице, облицованной гранитными плитами. Спустившись по ней, мы оказались на широком крытом внешнем балконе. Мать подняла меня и поставила на специальную каменную приступочку, но мой рост все равно не позволял заглянуть за каменные перила. Мать замешкалась и взяла меня на руки. То, что я увидел, потрясло меня. Мы находились на уровне третьего этажа, и под нами простирался внешний двор. Он был полностью занят экипированными в начищенные доспехи атретасами.

– Мои верные солдаты и слуги! Вчера наша богиня благословила моего сына именем Ашерас. И сегодня мы приняли его в семью! Да славься дом И'си'тор! Во славу богини!

Что-то быстро она. Я думал, будет как на Земле – речь на два часа и все такое... Серые секунды три переваривали речь матриарха, после чего дружно, четко и зычно рявкнули:

– Во славу дома!

Я с интересом рассматривал энергоауры и щупы стоящих передо мной атретасов. Не было ни одного похожего дара. Мало того, ауры различались по интенсивности свечения, активности и длине щупов. А также цвету! Чего тут только не было! Все цвета радуги, черный, зеленый, серый, а также многообразие оттенков.

– Отпразднуем же это событие! – Мать кивнула атретасу в красивом синем плаще, расшитом золотом. Он поднял по-

сох, который держал в правой руке, и неожиданно для меня начал в воздухе быстро рисовать наверху в виде загнутого когтя светящуюся синюю спираль. Завершив десятый виток, захватил «когтем» центр и, потянув вниз, вытянул спираль в воронку. Мать, нагнувшись, поставила меня на пол и прошептала:

– Вытяни руку. Терпи, будет очень больно. Постарайся не кричать и не плакать.

С ума сойти! Надеюсь, я не сдохну. Я вытянул руку перед собой. Серый в плаще вытянул воронку к моей руке и проткнул «когтем» мою кожу. Я не успел почувствовать боль от укола, как вся спираль начала втягиваться под кожу. Это было ужасно. Казалось, мне в тело заталкивают раскаленную струну. Я не смог смотреть на это и задрал голову к каменному потолку, став рассматривать его. Внезапно я увидел две алые точки в тени у основания сталактита нашего дома. Это явно был чей-то взгляд. Лишь мгновение мы смотрели друг на друга. А потом я собрал всю боль и ярость в один импульс и попытался хлестнуть по этим глазам. Неожиданно боль исчезла, и, как мне показалось, ничего не произошло. Но это спокойствие длилось лишь секунду. А потом я увидел, как часть каменного свода начинает светиться, раскаляясь. Область стала быстро расти и стала довольно большой. Я в панике опустил голову. Мать довольно смотрела на меня – синяя нить практически втянулась под кожу, остался лишь небольшой кусочек, сантиметров пять-шесть. Я указал паль-

цем наверх и спросил мать:

– Матриарх, что это?

Мать, вместе со всей родней, подняла голову и изумленно выдохнула:

– Великий хаотический дракон Р'еареш проснулся!

Подняв голову, я действительно увидел гигантский контур крылатого существа. Сейчас по его раскаленной коже пробежали трещины, из которых вырывались видимые даже с такого расстояния языки пламени, буквально расплескивающиеся о каменный свод. Матриарх, очевидно усилив голос магией, зычно крикнула:

– Очистить двор! Р'еареш проснулся! Всем покинуть двор! Включить защиту от огня! Быстрее!

Во дворе начался хаос. Все разбегались кто куда. Однако никто не доставал оружие, я не увидел ни у кого из окружающих меня атар признаков страха. Только облегчение и даже радость. Я поднял взгляд вверх вовремя, чтобы увидеть, как гигантский, объятый багрово-оранжевым пламенем дракон отцепился от свода и начал медленно падать прямо в опустевший двор дома. Он был очень красив. Перед тем как коснуться каменных плит двора, дракон затормозил, резко хлопнув крыльями. Из-за этого с тела дракона сорвался просто огромный протуберанец пламени и, осветив, наверное, весь Альверист'ас, с ревом разлился по своду, охватив основание сталактита дома. Дракон неожиданно мягко, для такой-то туши, встал на плиты двора и не спеша подошел к

нам. Его голова и сложенные крылья были чуть выше уровня балкона. Чудовище одним своим видом внушало ужас. Оно было покрыто чем-то похожим на черные роговые пластины, между которыми вырывалось желтое пламя. Его голова была треугольной и как будто обуглена. По строению она напоминала кошачью – широко расставленные пылающие провалы глаз подразумевали отличное бинокулярное зрение. Пасть, похоже, не имела другого выражения, кроме оскала, и была усеяна лишь черными клыками, растущими из внешней части челюстей. На затылке головы был черный щиток, обрамленный чем-то вроде рогов. Ушные отверстия спрятаны за еще одними небольшими щитками. Шея, как мне показалось, была заметно длиннее, чем у кошки, будь она аналогичного размера. Вдоль позвоночника шло два ряда разведенных в разные стороны, загнутых по направлению к хвосту шипов. Строение лап тоже напоминало кошачье, мне даже показалось, что во время посадки дракон выпустил длинные острые когти. На локтях лап также были шипы. Крылья дракона очень сильно были похожи на крылья земных рукокрылых. Приблизившись, дракон произнес очень глубоким голосом:

– Приветствую тебя, Таенори, старшая дочь Аэриснитари! Я, протектор дома И'си'тор, хаотический дракон Р'еареш, поздравляю тебя с достойным прибавлением к семье! – тяжелый взгляд чудовища прошелся по родственникам и остановился на мне. Дракон не говорил ртом или пастью. Было

такое впечатление, что его голос просто возникал перед ним. Я сумел рассмотреть плотный узел заклинания, связанный с энергощупами дракона и расположенный чуть ниже пасти.

Мать, неожиданно опустившись на одно колено, произнесла, глядя в огненные провалы глаз дракона:

– Приветствую в пределах дома нашего стража и защитника. Вы очень долго спали.

– Да-а... – пророкотал дракон. – Я бы спал дальше, но меня разбудил твой сын. Его дар очень своеобразен. – Дракон наклонил свою голову еще ближе. – Мне показалось, что это твоя мать разбудила меня. – Пылающий взгляд, казалось, проникал в самое мое естество. – Пусть он дотронется до меня, Таенори.

Мать поставила меня на каменный постамент, и дракон неожиданно вытянул из своей пасти ярко-желтый раздвоенный язык. Все окружающие атары отшатнулись от жара. Но я его не чувствовал. Для меня ничего не изменилось. Я вытянул руку и осторожно ткнул пальцем в светящуюся оранжевую плоть. Язык дракона был мягким как поролон и очень теплым, но не горячим. Когда я касался дракона, у меня возникало странное ощущение по всему телу. Мой взгляд упал на рукав моей курточки – он тлел, но я не стал отдергивать руку. Но дракон решил все за меня – втянув язык, он поднял голову и пророкотал:

– Свершилось! У меня опять будет слугитель, Таенори! Возрадуйтесь же!

Дракон быстро успокоился и произнес, глядя на матриарха:

– Я поставлю ему свою печать, Таенори. У него необычно ясный рассудок для своего возраста. После ритуала нужно начинать его учить вашей магии. Когда ему исполнится десять, приведи его ко мне. Я же возвращаюсь обратно.

Дракон еще раз посмотрел на меня и направился к центру двора. Я с интересом смотрел на грациозно удаляющуюся громаду. Дракон остановился, присел и прыгнул, громко хлопнув крыльями на взмахе. Взлетал он не в пример грузнее, чем садился, и временами буквально закутывался в пламя. Прицепившись к основанию сталактита, чудовище шустро перебралось на участок свода непосредственно возле колонны дома и замерло, начав быстро остывать. Я перевел взгляд с потолка на двор – из проходов, коридоров появлялись атретасы и, стараясь не сводить взгляда с быстро остывающего дракона, снова строились.

– Наш страж, дракон Р'еареш, выбрал себе нового служителя! Мой сын, Ашерас, избран ариром Хаоса! Скоро наступит время мести нашим врагам! Да будем же мы едины, как меч и рука, держащая его! – Мать опять начала вещать какую-то возвышенную муть. Впрочем, надолго ее не хватило, и она распустила воинов, сказав: – Праздник будет организован здесь же, через час.

Атретасы неспешно стали растекаться со двора. Матриарх тут же развернулась к нам:

– Вы тоже все свободны, кроме тебя, Ашерас. – Мать сделала знак нам за спины. – Неси его за мной.

Меня подхватила орин, и мы двинулись за стремительнодвигающейся по коридорам матерью.

Вообще я понял, что здесь каждый, кроме орин, носит как бы маску на лице и, в зависимости от того, с кем общается, меняет не только ее, но и линию поведения. Эти изменения очень существенны. Например, у моей матери, Таенори, этих «образов» было несколько: расчетливый и жестокий матриарх, заботливая и осторожная мать, а также кровожадный воин. Возможно, были и другие, но я их пока не видел и, наверное, к лучшему. Интересно, а что прячется под ними? Испуганная девочка? Безумная жрица своей богини? Голый разум, лишенный эмоций? Что-то мне расхотелось заглядывать под маски...

Матриарх привела нас в свой кабинет и, сделав знак моей орин, расположилась в своем черном кресле. Служанка, посадив меня, бесшумно вышла. Мать скользнула взглядом по бумагам на столе и посмотрела мне в глаза. От ее жесткого взгляда у меня похолодело внутри. Она, жестко ухмыльнувшись, достала из ящика письменного стола небольшую черную пирамидку и, поставив ее на стол, произнесла:

– Этот артефакт предназначен для допросов пленных атретасов. Принцип его работы прост – он определяет количество веры, убеждения в словах говорящего их существа. Если этот показатель низок, существо, которое попало в зо-

ну действия, испытывает очень сильные фантомные боли. У него есть свои недостатки и преимущества. Его, после долгого обучения, может обмануть только атар. Сейчас я его активирую. – Мать протянула руку и, вытянув свой пальчик, дотронулась до вершины пирамидки. Откликнувшись на это прикосновение, пирамидка засветилась слабым белым светом и сразу поменяла цвет на серый. – Я задам тебе несколько вопросов. И лучше бы тебе отвечать правдиво. Итак, кем ты был в прошлой жизни? – Матриарх выжидательно уставилась на меня.

Все мое нутро замерло. Я смотрел на пирамидку. Она меня наконец-то раскусила. Ну и что из этого? А ничего! Я сваляю все на Эхаялин. Как-никак божья воля, да и Элос не убила. Я поднял взгляд на матриарха. Хочешь правды? Ты ее получишь...

– Я родился в другом мире. Там я был воином. Меня предали и тяжело ранили. Когда я уже умирал, меня завербовала богиня Эхаялин. Никаких заданий не давала. Сказала только служить дому и народу.

Коротко и ясно.

Матриарх, неотрывно смотрящая на артефакт, неожиданно рассмеялась. Успокоившись, она произнесла:

– Это вполне в ее духе. Чего-то учудить, никому не сказать и исчезнуть. Как будто и не является богиней Холодного Страху! Я всегда думала, что по части шуток у нас был Ихитос. Но, похоже, все боги являются лишь гранями Твор-

ца... – Мать, что-то вспомнив, задумалась.

Немного подождав, я решился на вопрос:

– Какова будет моя судьба, матриарх?

– На этот счет не беспокойся. Не ты первый, не ты последний. Скажу больше: твой отец тоже является подобным рекрутом. Мы называем вас Перерожденными. Вот только его притащил как раз Ихитос. Наша семья наиболее одарена прародителем в магическом плане. В довесок мы единственные из всех атар можем напрямую обращаться к нашим богам. Но мы переживаем сейчас не лучшие времена... – Великолепное личико матери исказила печаль. – Мой дом располагает пятью с половиной тысячами атретасов, нам служит почти двадцать три тысячи орин – и на всю эту армию лишь двенадцать атар. Мы лишь Пятый дом. А ты знаешь, сколько атар у четвертого дома? Почти сто... Я скажу больше – если бы не наш страж мы бы остались лишь в старых легендах... Мы уже почти тысячелетие входим в Высокий Совет домов постольку-поскольку... Поэтому темные боги по-немногу нам помогают. И ты не исключение. – Мать вздохнула, глядя мне в глаза. – После праздника тебя начнут учить по полной программе. История дома и мира, политическое устройство, обычаи разных народов, счет и много еще чего... Эти знания необходимы для ориентирования и выживания в окружающем мире. Также Иситес, как твой куратор, будет учить тебя работать с Предвечной Тьмой, а кто-то из командиров атретасов будет тебя учить фундаментальным основам

магии и плетению силовых узлов и конструкторов. Вроде бы ничего не забыла? Ах да! А как ты разбудил Древнего Стража?

– Я собрал боль, которую испытывал во время ритуала, и, накачав даром, хлестнул по его глазам!

– Неплохо, неплохо. У тебя сильно выражена стихийная часть дара. Это хорошая новость. Наш дом всегда тяготел к силам, а не стихиям. А он что, смотрел на тебя?

– Да, мать. Когда я выходил на плац, то почти всегда видел его глаза.

– Что же он задумал? Последним ариром Древнего была моя мать... Будь осторожен, Ашерас, ему больше тридцати тысяч лет, и он современник той, кто стал Верховной богиней Элос... Его могущество огромно. Знай, сын мой, что именно его вмешательство в Первую войну народов заставило бежать светлых эльдаров на другой материк... Он не вполне разумен, если можно так выразиться, его логика другая, чуждая. Но мы ему необходимы, как и он нам. Кстати, чтоб ты знал – он не совсем дракон... м-м-м... Даже не так – он совсем не дракон. Более подробно ты узнаешь о нем в библиотеке и на уроках истории дома. Я рекомендую в ближайшее время узнать о нем побольше, поскольку ты его арир. Ну а сейчас ты свободен. То, о чем мы здесь говорили, в принципе, не является великой тайной, но не распространяйся об этом кому попало. Кто должен, тот будет знать.

Матриарх сложила из пальцев странную фигуру. Практи-

чески сразу слышались шаги, и я, обернувшись, увидел свою орин.

– Выше нос, малыш! – произнесла мать. – Самое страшное уже позади.

В комнату также вошли несколько слуг матриарха. Они несли то, что мать хотела надеть, очевидно, на смену. Если те странные шелковые полоски можно назвать одеждой. Моя орин взяла меня на руки и понесла в мои покои.

В моих покоях меня одели в новую курточку, взамен истлевшей. По-моему, пора узнать, как ее имя, а то и позвать в случае чего будет трудно... Орин как раз сервировала передо мной мой маленький столик с моей успевшей уже надоесть порцией еды.

– Орин, скажи мне, как твое имя?

– Эран, мой атар. – Слуга повернулась ко мне лицом.

– Я прошу, наедине со мной не называй меня атаром – только по имени. Это возможно?

– Да, атар.

Я поморщился. Служанка прикрыла испуганно лицо ладошкой.

– Прошу прощения, Ашерас.

Служанка закончила сервировку и повернулась ко мне:

– Прошу вас, Ашерас.

Быстро съев свою порцию и запив молочным коктейлем, я смотрел на то, как Эран быстро убирает мой столик. В голове было пусто и хотелось спать. День был сегодня напря-

женный. А ведь еще тащиться на этот чертов праздник...

Пока Эран убиралась, бесшумно зашел еще один орин и, положив сверток, так же бесшумно удалился. В свертке также была одежда, но расшитая золотом, и красивые сапожки. Эран переодела меня и, взяв на руки, понесла по коридору во двор.

Возле выхода мать с моей тетей Арисной что-то обсуждали, оглядываясь по сторонам. Когда мы подошли ближе, то увидели двух атретасов, держащих какой-то большой, заляпанный чем-то темным сверток в руках, и я услышал обрывок монолога матриарха:

– ...проклятые твари! Мы же не можем уже отменить праздник! Скажи мне, сестра, как они проникают в дом, находящийся в осадном положении?

– Если бы я это знала... Это еще ничего. Если бы я не приказала сменять часовых каждые полчаса, мы бы еще час не знали о внедрении. А так мы предупреждены. – Арисна оглянулась на нас. – А вот и Ашерас. А то я хотела послать за ними жриц в боевом снаряжении.

Что-то точно произошло. Мать повернулась ко мне и сказала:

– У нас проникновение. Кто-то или что-то проникло в дом и убило часового. – Мать кивнула на сверток. Да это же труп! – Вполне возможно, он не единственный. Убийца, скорее всего, среди атретасов. – Таенори посмотрела на свою сестру и твердо произнесла, глядя на двух солдат, держащих

тело: – Скрытно поставьте в известность всех командиров отрядов и пошлите дополнительную охрану ко всем атарам. С телом разберемся завтра. Приступайте!

Солдаты молча кивнули, и правый, забросив сверток с телом на правое плечо, удалился внутрь дома. Я успел заметить вывалившиеся из свертка длинные темные волосы. Левый солдат вышел во двор и кому-то махнул рукой.

– Может, их цель опять ты? Второе покушение за последние дни. Высший вампир и, очевидно, перевертыш. Что будет дальше? Небольшой прорыв инферно? Хитроумная мина-ловушка? Яд? – Арисна так сжала свой жезл-плеть, что побелели пальцы. – Я рада, что не на твоём месте, сестра, и хотела бы как можно на большее время оттянуть своё правление.

– Так вот в чём причина твоей заботы обо мне? – Таенори звонко рассмеялась и кивнула кому-то в глубине коридора. Спустя секунду оттуда появился отец, напряжённо осматривающий сестер. – Ладно, поиграем в ловлю на приманку. Пора начинать.

А как неплохо начинался день и как хреново он закончится. Я бросил взгляд на родственников – все они как будто сменили маски: настороженность сменили гордость и надменность с величием. Орин поставила меня на землю, и мать, взяв меня за руку, вышла во двор.

Мы вышли и оказались вовлечены в праздничный хаос. Это было кошмарно – какого черта творит матриарх? От

предчувствия опасности я раскрыл дар, распустив вокруг колыхающиеся невидимые для других щупальца. Казалось, на нас нападут сейчас же. О темные боги, дайте мне сил! Эхаялин, помоги мне! Вокруг сновали слуги, расставляя столы и раскладывая столовые приборы. Интересно, а я смогу вообще убить? Все-таки в этом теле это будет в первый раз...

Когда мы проходили мимо стола, на котором стояло много кувшинов с чем-то, я, накачав энергощуп энергией из дара, разобраться бы еще, что там наворотила богиня, хлестнул отдельно стоящий. Кувшин неожиданно мягко развалился на две части, разливая содержимое. Что ж, оружие убийства у меня есть. Раньше я никогда не уделял внимание энергощупам, очевидно, зря.

Мать кивала в ответ на приветствия. И даже перекинулась парой слов со встречными. Я распустил щупы больше чем на пятнадцать метров и почти полностью погасил обычное зрение, заменив его магическим. Как ни странно, я сейчас видел намного лучше. Мир вокруг замедлился, я видел даже кровеносные системы окружающих. Но радиус видения был невелик, не более двадцати – двадцати двух метров, а дальше была непроницаемая мгла. Я не видел даже стен двора, но ощущал все вокруг. Заглянув вовнутрь дара, я убедился, что расход энергии очень низок. Подняв глаза на мать, я увидел, что перед ней висит несколько энергоузлов, а нас окружает невидимая тонкая сфера, подпитываемая черным энергощупом из серги в правом ухе. Охрана идет сзади на расстоянии

четырёх-пяти шагов, тоже окутанная подобной защитой.

«Сейчас. Будь осторожен», – прошептало что-то внутри. Я дернул за руку матриарха. «Сверху!» – закричала тьма внутри меня. Я поднимаю голову вверх, а мать с охраной лишь недоуменно смотрят на меня. В сферу видения быстро проникает багровая клякса. От предчувствия непоправимого я хватаю щупами стоящие рядом столы и стулья за ножки и неожиданно легко швыряю их навстречу кляксе. За это мгновение клякса успевает преодолеть половину расстояния. Я охватываю щупом мать, буквально выворачиваю дар, накачивая все остальные щупы. Меня захлестывает боль от этого, и я выдираю из пола плиты покрытия, швыряя их тут же вслед. Таенори пытается что-то сделать, но я с силой отбрасываю ее в сторону. Багровая клякса проходит через столы, выжигая в них круглые дыры. От предчувствия смерти и отчаяния я ударяю щупами вокруг себя – во все стороны брызжут крупные обломки каменных плит. Щупы мгновенно собирают их предо мной еще одним щитом. Багровая хрень, пробивая плиты, собирается в длинное копьё, свитое как веретено. От ужаса я мысленно взываю к Эхаялин, и она отвечает! Чужая воля и сила вливается в меня. Из моего рта вырывается тьма и за оставшиеся доли секунды струей бросается навстречу копьё. Я дополнительно сплетаю из чужой силы и своих щупов толстенный канат и за мгновение до столкновения сил с боку бью по копьё. Никакого эффекта нет – щупы разлетаются, разнося все вокруг. В следующее

мгновение силы сталкиваются и начинают расплескиваться в блин. Во все стороны летят черные брызги. От струи тьмы отделяется жгут и, свернувшись в пружину, целится в пол и сразу распрямляется, выталкивая меня из-под удара. Она успевает сдвинуть меня всего на полметра в сторону, но этого достаточно, чтобы багровое копьё, пройдя совсем рядом, начало зарываться в пол. Я успел отлететь всего на три метра в сторону, как во все стороны побежали трещины, и из пола багровым взрывом вырвало несколько очень крупных обломков. Один из них летел в меня.

Отвернув голову от приближающейся смерти в сторону, откуда прилетел багровый снаряд, я увидел фигуру атретаса, стоящего на крыше перехода и держащего на плече странную трубу, похожую на гранатомет. Жаль, что вообще нет сил – я бы мог его достать. А что если? Я воззвал к огненной птице и с радостью услышал ее вопросительный клекот. Если можешь, убей его, я больше ни о чем не прошу. Внезапно я остановился в полете, вместе с обломками скал. Время вернуло свой бег. Меня чуть не оглушили крики раненых и хаос вокруг. Стрелок стал снова наводить свое оружие. Но ему не суждено было закончить движение – ближайший обломок раскалился и, резко сорвавшись с места, врезался в стрелка, облепив его раскаленной добела лавой, словно тестом. От чудовищного удара горящее тело перебросило по дуге через крышу, скрыв его от моего взгляда. Спустя секунду могущество оставило меня, и я грохнулся на пол. Казалось, сил не

было даже дышать. От жуткой боли в перенапряженном да-
ре хотелось выть. Но спасительная тьма все не приходила.
Все, что я мог делать, это бешено крутить глазами от боли
и мысленно молить всех сразу богов о потере сознания. Се-
кунды казались вечностью в аду, вдобавок все тело скрутила
судорога. пытка была чудовищна. Невзирая на все усилия,
разум мог думать лишь о боли. Я тонул в ней и начал молить
о смерти. Это же для вас такая малость... Я молю о снисхож-
дении... Отпустите... Прошу... Умоляю... Богиня, отпусти
меня...

Сознание вернулось рывком, просто – раз, и я лежу на
кровати. Первые ощущения – все тело как бы парит, но я не
могу пошевелиться. Вдобавок я не ощущаю свой дар. Хочет-
ся пить. Я ничего не вижу. Вокруг лишь тьма.

– Пить. – Я не узнал свой детский звонкий голосок. Его
не было, был лишь слабый сиплый шепот. Мне дали воды,
чуть приподняв. Я с трудом сделал глоток и, когда меня сно-
ва положили на подушку, тяжело отдышался.

– Почему я ничего не вижу?

Голос, ответивший мне, был незнаком.

– У вас лопнули глаза, господин. Не переживайте – они
восстановятся завтра.

– Где моя орин?

– Она погибла, господин...

Ее больше нет... Печали не было. Внутри стала разгорать-
ся ярость и ненависть к стрелку. Они, смешавшись, дали мне

сил на продолжение разговора.

– Что с моим даром?

– Наш матриарх считает, что он тоже скоро восстановится.

– Эта тварь... сдохла?

– Перевертыш? Да, он мертв... С вами хотела поговорить матриарх. Позвать ее?

– Нет. Если ты говоришь, что глаза восстановятся завтра – завтра и поговорю... – Занятые силы закончились. Я ослабился и провалился в сон.

* * *

Матриарх стояла на балконе, глядя, сузив глаза, на глубокий узкий кратер во дворе с высоты второго этажа. Весь дом освещал сверху ярко горящий страж. Рядом с ней стоял один выживший из двух атретасов ее охраны.

– Значит, он был как раз надо мной, на крыше?

– Да, матриарх. Мы заметили его слишком поздно, когда наше внимание привлек Ашерас.

– Что это было за оружие, выяснили?

– Вы сами видели, что случилось со стрелком. Что не сгорело, то расплавилось... Единственное, что сказали наши оружейники – это было оружие наподобие боевого посоха. Плетения были разрушены после уничтожения носителя. Все, что они смогли сказать – это то, что использовалось Багровое Пламя для его накачки.

– Багровое Пламя... И Ашерас сумел противостоять ему, призвав тьму напрямую и чуть не умерев из-за этого. А ведь ему лишь год от рождения.

– Это просто чудо, что он выжил. Целители говорят, что только ваше своевременное вмешательство не дало ему умереть. Целитель Ремрот клянется, что его тело уже завтра полностью излечится и тогда же вернется его дар.

– Да, он и мне это говорил. И... я сожалею о смерти твоего брата. Мы не ожидали... такого.

– Не беспокойтесь зря, матриарх. Все мы знаем, на что идем. – Атретас поклонился и отошел на два шага.

* * *

Мне снился кошмар. Я осознавал это, но ничего не мог с этим поделать. Я снова переживал этот проклятый, без сомнений, день и короткую схватку, знаменующую его. Хорошо, что хоть без финала. Словно тьма хотела что-то показать, подчеркнуть нечто оставшееся вне моего внимания, но тем не менее виденное мной. После окончания схватки все начиналось сначала. И так раз за разом. Пока, наконец, я не увидел, как в момент пролета мимо меня багрового копья один из охранников поднимает черный жезл в сторону стрелка, но ему ломает шею особо жестоким способом его напарник. Убедившись, что я увидел это, кошмар прекратился. Оставив мне лишь ненависть, пылающую черным пламенем

во мне. Если он жив, я убью его. Осознав это, я понял, что проснулся. Ощутив дар, я нырнул в него и позвал свою птицу. Она довольно курлыкнула, обрадовавшись моему вниманию. Прости, но если я не справлюсь, ты поможешь мне, хорошо? Я открыл глаза. Мягкий желтый свет больно резанул зрение, заставив снова зажмуриться. До меня донесся незнакомый голос.

– Вы проснулись, господин Ашерас?

Я снова попытался открыть глаза. На этот раз было легче. Проморгавшись, я сумел отождествить голос с атретасом, сидящим справа и одетым в необычный плащ черного цвета с зеленым вышитым значком напротив сердца. Его волосы были белы как снег. Я всмотрелся в его лицо – не он. Жаль. Я прошептал:

– Кто вы?

– Мое имя Аскаер, я целитель.

– Меня отнесут к матриарху или она придет сюда?

– Сюда. Сейчас вас покормят и оденут. Матриарх как раз освободится к тому времени.

Аскаер сделал знак в направлении гостинки, и оттуда вышла незнакомая беловолосая орин. Она с рук покормила меня какой-то кашеобразной жижей. Закончив кормежку, удалилась, чтобы вернуться со свертком моей одежды. Я посмотрел на свое тело – как же я похудел... Повернув голову в сторону наблюдающего за мной целителя, я спросил:

– Сколько я был без сознания?

– Сегодня третий день с момента покушения. У вас были обширные кровоизлияния – глаза, к примеру, пришлось выращивать заново.

Ненависть толкнулась внутри, словно ребенок в чреве матери. Если эта тварь будет с матриархом, я не поленюсь еще раз обратиться к богине. «Лучше сразу иди ко мне», – прошептала Тьма из дара. «Хорошо», – попытался я направить эту мысль обратно. Эх, мне бы разобраться с даром в медитативке. Без толку мечтать. Попытка будет только одна. Выложусь на полную.

Пока меня одевала служанка, я, выпустив щупы, словно спрут, накачивал их силой из дара. Щупы, буквально обыскивая и ощупывая комнату, неожиданно натолкнулись на три чужих щупа, принадлежащих целителю. Но они были какими-то вялыми и еле шевелились, практически не реагируя на мои касания. Я внезапно осознал, что начинаю ощущать свои энергощупы неотделимой частью своего тела, вроде руки или ноги. Пошевелил ими. Накачанные энергией, они слушались идеально. В ожидании я начал считать их, собирая в пучки посчитанные. Вышло аж шестьдесят три штуки. Я осторожно ощупал ауру Аскаера и нашел еще несколько щупов, но они были все небольшими и короткими. Решившись, я потыкал щупом в его ауру. Он поморщился и стал недоуменно осматривать помещение. О боги, он что, их не видит? Пожалуй, сейчас я действительно стал осознавать всю разницу между атарами и атретасами. Когда служанка

меня все-таки одела, я обессиленно сел обратно на кровать. Подняв глаза на целителя, я произнес:

– Когда зайдет матриарх, оставишь нас одних.

Целитель недоуменно кивнул. Надеюсь, он не идиот, а только прикидывается...

Послышались шаги. Мои энергощупы замерли, согнувшись наподобие хвостов скорпиона. Врубить магическое зрение заранее не буду. Просто не рассмотрю лицо своей цели. Не хотелось бы убивать случайного воина или жрицу.

Открылась дверь, и вошла мать, одетая, как обычно, более чем раскованно. Аскаер поднялся и, приветственно кивнув ей, направился к выходу. А следом за матерью шагнул тот, кого я собирался убить. Узнавание пришло мгновенно. Я нырнул в дар, параллельно активируя магическое зрение, и воззвал к Тьме. Она отозвалась почти сразу. Но я не атаковал – на линии огня была мать. Я решил атаковать в тот момент, когда между ними будет минимум два шага. И предатель решил мне его предоставить, остановившись у дверей и продолжая играть роль охранника. Мать сделала один шаг в сторону, улыбнулась и что-то начала говорить, потом подняла ногу и сделала другой. За эту секунду я решил не убивать его сразу. Очевидно же, что он работает не самостоятельно. Выражение на его лице начало меняться в тот момент, когда я выстрелил в него всеми щупами. Я целил рядом с телом, так, чтобы щупы, воткнувшись в стену, прижали его к ней, как раскрытыми ножницами, и в суставы рук и ног – он не

должен пошевелиться. Один должен был пробить его щеки, выбив боковые зубы и оторвав челюсть – а вдруг у него в зубе яд или еще что? Моя атака была стремительна, его защита продержалась всего мгновение и лопнула. Щупальца пригвоздили предателя к стене, боковой удар в челюсть почти оторвал ее, и она повисла лишь на нескольких мышцах и коже. Хлынула кровь. Аскаер испуганно замер перед порогом, уставившись на распятого и зафиксированного атретаса. Мать заорала на меня:

– Что ты творишь, Ашерас? Отпусти его! – и начала что-то вязать убойное в мою сторону, не видя, что предатель тоже начал что-то плести. Я видел сами узлы, но не видел щупов. Не зная, что это, я свободным щупом хлестнул по узлам обоих плетений. Материнское просто растаяло, а предателя – звонко хлопнуло, лишив его сознания. Мать снова начала плести узлы, но одновременно дюжину. Я обеспокоенно поднял руки и быстро сказал, вырубив зрение, – все равно предатель без сознания:

– Я видел, как он убил второго охранника, сломав ему шею!

Мать, неверяще обернувшись к распятому атретасу, произнесла:

– Не может быть, чтобы он убил своего брата. Ты уверен? Скажу как есть.

– Мне показала это Тьма...

В комнату ввалилась дюжина полностью вооруженных бе-

ловолосых жриц во главе с Арисной и недоуменно уставилась на нас четверых. Мать медленно перевела на них взгляд и произнесла, обращаясь ко мне:

– Отпусти его.

Я выдернул щупы, перехватив его тело ими поперек туловища, и опустил его на руки первой попавшейся жрицы. Глядя на это, матриарх произнесла невыразительным голосом:

– Ошейник из терраста на него, залечите его раны и в допросную... Не спускать с него глаз и никому из командиров не давать приблизиться. Доступ только для атар. Он убил своего брата и, вероятнее всего, сам или с соучастниками выпустил перевертыша. Каждый атретас, попытавшийся проникнуть к нему, сразу становится подозреваемым в соучастии и должен быть задержан. Ни в коем случае не дать ему покончить с собой. Если он остановит себе сердце – известить меня и продолжать реанимирование до моего прихода. Постарайтесь не давать ему двигаться, жестко его зафиксировав. Известите и вызовите к себе Сариехарну. Арисна, после того как прибудет Сариехарна, начинайте допрос. Мои приказы ясны? – Слитный кивок был ей ответом. – Выполнять.

Целитель попытался потеряться вместе с ними, но окрик матриарха остановил его:

– Аскаер, вызови Эхаэра ко мне в кабинет.

Когда он торопливо скрылся, мать сделала знак служанке, неуверенно маячащей в гостиной, привлекая ее внимание:

– Неси Ашераса за мной в мои покои, и пусть приберутся тут.

Мать вышла из моих апартаментов, и беловолосая орин, взяв меня на руки, последовала за ней. По пути я, нырнув в дар, с сожалением констатировал, что энергии осталось меньше шестой части от максимальной наполненности. А значит, еще одной битвы мне не выдержать – обращение к Тьме и птице, похоже, тоже жрет энергию, а еще одно обращение к богине сведет меня в могилу... Впрочем, из разноцветных сфер, окружающих дар, словно туман, истекала энергия, по чуть-чуть уплотняя центральную область. Это было завораживающе, вдобавок мне показалось, что от моего внимания дар наполнялся быстрее. Я вынырнул из дара вовремя, чтобы обнаружить служанку, усаживающую меня в кресло. Матриарх уже сидела за столом и произнесла, глядя на меня:

– Оставь нас.

Я даже на секунду подумал, что она это мне, но исчезающая как по мановению волшебной палочки служанка развеяла мои сомнения. Мать откинулась на спинку кресла, с интересом глядя на меня. Очевидно, мы ждем моего дядю или результатов допроса предателя. Я оперся спиной о подлокотник кресла, в котором сидел, и прикрыл глаза. Внутри чуть шевельнулся голод. Я же вроде недавно ел? Впрочем, с тех пор уже много чего произошло, да и истощение дает знать о себе. Открылась дверь, и в кабинет вошел Эхаер, одетый в

расшитый золотом и серебром камзол с высоким и строгим воротником. Его волосы были, как и в прошлый раз, схвачены в тугий белый хвост, перевитый черными шелковыми лентами. Одним словом – идеален. Поприветствовав матриарха, молча склонив голову и подняв правую руку ладонью вверх, он, дождавшись ответного кивка Таенори, прошел к свободному креслу справа от меня. Мать, посмотрев на меня, произнесла:

– Эхаер, виновник прошлой суматохи пришел в себя. И тут же захватил моего охранника, Тариса, обвинив его в убийстве своего брата. И я склонна ему верить. Тариса сейчас пытаются Арисна и Сариехарна. Но я тебя вызвала по другой причине. Мы тогда обсуждали, что могло вызвать такие разрушения и чем ты защищался, Ашерас. Мы не пришли, Ашерас, к общему мнению. Вдобавок только что, при захвате Тариса, ты применил нечто необычное. Мне интересно, что это было? А вообще, расскажи, что произошло тогда, своими словами то, что ты видел и сделал.

Она замолчала. Я вздохнул и распустил щупы. Не наполненные энергией, они вяло шевелились.

– Когда мы шли, я распустил свои энергощупы и включил зрение. А потом Тьма внутри дара прошептала мне, что скоро будет атака, и сказала, что сверху. Я все, что было, влил в щупы и бросил ими навстречу багровой кляксе два соседних стола, отшвырнул вас, матриарх, выдрал щупами из пола плиты и добавил их к столам. Но толку не было. Я раз-

бил щупами плиты вокруг и из осколков собрал еще один щит. А потом взмолился богине, и она ответила. Из рта у меня потекла тьма, но когда и это не помогло, она оттолкнула меня с пути багрового копья, и тогда же я увидел, как этот Тарис убивает своего брата, уже целящегося в перевертыша черным посохом, ломая ему шею. Я обратился к своей птице, и она убила стрелка раскаленным камнем. Потом океан боли и... все. – Я вопросительно посмотрел на мать.

– Поразительно, – произнес Эхаер. – Чтоб ты знал, мы, народ темных эльдаров, называем энергощупы... – при этих словах он чуть улыбнулся, – тер. Я, конечно, понимаю, что ты Перерожденный, но общей терминологии придерживаться необходимо. И сколько теров у тебя?

– Утром было шестьдесят три.

После моих слов у Таенори отвисла челюсть, а Эхаер мгновенно посерьезнел и переспросил:

– Ты уверен?

Я дернул уголком рта:

– Я могу пересчитать, но уверен.

Эхаер откинулся в кресле:

– Таенори, это все объясняет! Покушения были направлены не на тебя! А на него! – он указал на меня пальцем и взволнованно вскочил и забежал по кабинету. – О темные боги, да он перекрывает в одиночку тебя, меня и своего отца. О Элос, почему он не родился сто лет назад? Мы бы смяли всех голой мощью! И не вспотели бы даже! Если бы... Ес-

ли бы... А сейчас он станет лишь небольшой тенью надежды под жгучим солнцем наших врагов... И естественно, они зашевелились... Как и тогда...

Он успокоился и сел обратно, закрыв лицо ладонями. Мать посмотрела на него с жалостью:

– Не печалься, брат мой, мы отомстим. И месть наша будет ужасна... – Она перевела взгляд на меня. – Тебя будут постоянно охранять, пока мы не узнаем, кто помогал Тарису. Ты не против?

– Я даже рад, матриарх. Я только хочу узнать одно – как погибла моя орин?

– Эран задавило обломками. Завтра мы призовем богиню Хеат в нашем святилище Криаты и попросим провести ее и Осира души к почившим. А труп перевертыша и обломки его оружия отвезут послезавтра в Верховный храм. Пусть ариры богини разбираются, что делал эмиссар Хаоса у нас в доме!

– Не хули богиню, Таенори, – тихо произнес Эхаер. – Если бы не она, ты была бы уже мертва и завтра Арисна несла бы твое тело в святилище...

– Да, но... – Браслет на правой руке матриарха засветился, и она, нахмурившись, зашипела ругательство. Переведя взгляд на нас, она произнесла: – Тарис во время пыток умер! – она помотрела на Эхаера. – Догадайся как! Ну? У тебя одна попытка! Что и кто может сделать так, чтобы пленного нельзя было расколоть?

Эхаер побледнел так, что его белая кожа стала белее мела.
– Неужели... Иллитиды... Опять?

Иллитиды. Пламя ненависти запылало с новой силой.
У меня есть цель...

– Арисна рвет и мечет... Сариехарна шипит, говоря, что Тарис лишь безумно хохотал во время пытки, а когда Арисна в ярости призвала Тьму – его голова... – Мать выразительно щелкнула пальцами, – лопнула, забрызгав ее с ног до головы ошметками мозгов.

– Не хочу я что-то ей попадаться на глаза...

– Да куда ты денешься? Я объявила совет жриц дома, и ты будешь присутствовать. На нем будут все атары нашего дома. – Мать перевела взгляд на меня. – Я понимаю, что ты еще не пришел в себя до конца. Но это необходимо. В свете настоящих проблем.

Я опустил голову.

– Я понимаю, матриарх. Я только снова хочу есть. Прикажи меня покормить.

– Конечно, Ашерас. – Мать дотронулась до знака на браслете, и буквально через секунду вошла орин из свиты матриарха. – Принесите еды для Ашераса.

Орин так же безмолвно, как и вошла, удалилась, закрыв за собой дверь. Я прикрыл глаза и попытался расслабиться. Мои теры, лишившись контроля, словно щупальца осьминога, начали исследовать пространство и атар вокруг. Первым они решили осознать Эхаера. Разразилась настоящая битва,

в которой беловолосый эльдар потерпел быстрое поражение. Это было даже забавно. Я когда-то давно видел борьбу котенка со своей матерью-кошкой. Так вот здесь в роли котенка выступил Эхаер. Половина моих щупалец держала его теры, а другая – ощупывала его ауру. Это было странно. В его ауре в основном присутствовали только четыре цвета – белый, черный, серый и зеленый. Все остальные цвета были представлены лишь слабыми вкраплениями, которые плавали на поверхности его ауры, словно на мыльном пузыре. Я открыл глаза и решил спросить:

– Меня кое-что давно интересует. Почему ауры раскрашены в разные цвета и на что это влияет? – Взглянув на тяжело дышащего Эхаера, я вспомнил, что до сих пор держу теры его дара, и тут же отпустил их, полностью втянув свои.

Матриарх, покосившись на брата, произнесла:

– Цвета ауры показывают предрасположенность и наполненность дара определенной силой или стихией. Черный – Тьма, белый – Свет, серый – Смерть, зеленый – Жизнь. Это четыре основные силы. Ниже по иерархии находятся стихии: коричневый – Земля, синий – Вода, оранжевый – Огонь, бесцветный – Воздух. Существует также неразлучная пара Равновесия – Порядок и Хаос. На границе всех этих сил существует огромная палитра смесей всего того, что я назвала. Они называются протосилами. Каждая из них тоже имеет свой цвет. Но даже не каждый атар имеет доступ к ним. Их цвет, как правило, показывает, какие силы или стихии бы-

ли смешаны. Но такое бывает не всегда. Ашерас, если ты видишь ауру Эхаера, то должен заметить голубые кляксы на ее поверхности. – Дождавшись моего кивка, мать продолжила: – Эхаер является мастером Ледяного Пламени – это одна из протосил, возникшая на стыке Огня и Смерти. Причем Огня в этой смеси больше. К твоему ведомому, все атары нашего дома имеют доступ к протосиле, а вот у других домов с этим проблемы. Кстати, у моей сестры – Призрачное Пламя, как и у всех ее дочерей и сыновей. Протосил невероятное множество. Наш дом издревле тянется к Огню и смешивает его с чем только можно. Только перечисление наиболее известных займет немало времени. Очень редко бывают смеси трех... м-м-м... частей. Таких протосил известно всего четыре – Тень, Кровь, Лед и Багровое Пламя. Но хочу тебе сказать одно: каждая из протосил крайне разрушительна. Как бы тебе объяснить попроще... Ладно, объясняю так, как объясняла мне моя мать. – Матриарх шевельнула рукой, повернув ладонь вверх. Над ее рукой почти мгновенно возникла сфера, сотканная из языков огня. – Это – «огнешар». Простейшее заклинание стихии Огня. Оно накачено минимальным количеством маны, ты называешь ее энергией. Это заклинание признано стандартом. Минимальное количество маны, затраченное на его активацию, равно одному эргу. – Мать шевельнула ладонью, и огненная сфера беззвучно схлопнулась и исчезла. – При взрыве такого «огнешара» этот стол разнесет на мелкие обугленные куски. Это стихий-

ное заклинание. Если я применю аналогичное заклятье силы, то не только это, но и соседние помещения будут полностью уничтожены. Перекрытия между помещениями просто снесет. Правда, на минимальную накачку Сферы Тьмы уйдет больше двадцати эргов маны. Но эффект будет того стоить. Если же я попытаюсь накачать это заклинание доступной мне протосилой, я затратчу в пять раз больше маны, но эффект будет ужасен. Кстати, ты уже сталкивался с протосилой. Да-да. Это багровое копьё было накачено Багровым Пламенем. У протосил много недостатков. И самый главный – ими очень трудно защищаться. Какое заклинание не заряди ими – хоть Сферу Защиты, хоть Купол, все едино, – выйдет что-то разрушающее. Даже если возьмешь Лед и заключишь себя в него – Смерть проморозит все вокруг... Существует мнение, что в каждой протосиле есть Хаос с Порядком. И именно эта пара искажает все, к чему прикоснется. На данный момент известно четыре мира протосил – Мир Багрового Пламени, Мир Льда, Мир Тени и Мир Кровавого Болота. Жуткие места, пропитанные своими протосилами насквозь. Они полны маны, и существа, живущие там, чудовищно сильны и кошмарны на вид. Многие из них более или менее разумны. Неизвестно как, но в эти миры попали драконы и под влиянием протосил изменились, став существами, многократно превосходящими по силе обычных драконов. Слава Тьме, что Творец заснул задолго до их становления как самостоятельных протосил. А то в дополнение к

Адской Вселенной все бы имели еще четыре нестабильные Вселенные, со своими войнами владык в каждой... – Мать задумалась о чем-то и, посмотрев на свои браслеты, произнесла: – Впрочем, более детально мы поговорим позднее, а кое-что тебе смогу рассказать твои учителя.

– Матриарх, а когда, в свете текущих событий, начнется мое обучение?

– Как только ты поправишься.

Дверь открылась, и в нее аккуратно вошла служанка, несущая поднос с моей едой. После кормления под молчаливым одобрительным надзором матери и меланхоличным блуждающим взглядом Эхаера, мне захотелось спать. Но только я подумал об этом, как распахнулась дверь и вошла Арисна, с искаженным от ярости лицом и темными пятнами на одежде. Отец вошел следом в полном доспехе и с боевой маской на лице. Мать посмотрела на него и произнесла:

– Сними ее. Я не хочу, чтобы все думали, что мы воюем у себя дома. Заметь, я не возражаю против оружия, хотя и считаю, что ты должен брать пример со своего брата.

Сариехарна снял маску и с явным сомнением покосился на Эхаера, у которого из оружия было только два набедренных коротких меча, и произнес:

– Ему, как сильнейшему магу дома, это простительно. Мне же подобное отношение может выйти в черный шелк...

– Не прибедайся больше, чем это необходимо. Мне напомнить, сколько я из тебя оружия в своей спальне вытрях-

нула? По-моему, единственное место, куда ты не засунул хоть маленького, но кинжала – задница! О темные боги! Ну скажи, зачем тебе внутри дома держать во рту отравленные иглы? А, без толку. Тебя не переделаешь. – Мать перевела взгляд на Арисну: – Успокойся, сестра, в первый раз, что ли? Ты же служишь в Глубинной страже! Для тебя кровь пролить что воду. Да, глядя на вас обоих, можно подумать, что на нас напали и сейчас идет штурм второго кольца обороны! О богиня, вы же разменяли третью сотню лет, а до сих пор как дети!

Арисна вздохнула и, сев в свободное кресло, произнесла: – Я не видела такого уже лет двести, сестра. С последней стычки с иллитидами. Я думала, это недоразумение: вот сейчас мы закапаем Тарису в глаза Слезы Счастья, и все разъяснится... – беловолосая жрица чуть покачала головой. – А он начал хохотать и на все вопросы – лишь безумный хохот. Дабы пробить ментальный блок тогда, во время войны, Аэ-риснитари вызывала Первородную. Но только я потянулась к ней – его голова просто лопнула... Тарис служил в твоей личной охране больше сорока лет. Проклятые Владыки Ада! Да кому после такого вообще можно доверять? А ты брата упрекаешь за лишнее оружие. Я знаю одно: спать буду не у себя, а в казарме с нашими офицерами и в кольчуге. А то и к хиснам пойду, попрошусь под теплый бок. И вам всем советую удвоить личную охрану...

– В твоих словах есть зерно правды, сестра... Тарис не мог

действовать в одиночку. Я согласна с увеличением личной охраны до четырех жриц. Наберем их из разных дюжин и начнем проверять всех атретасов Первородной Тьмой.

– Все пять с половиной тысяч? Может, еще всех орин проверить? С рабами в придачу.

– Ну, хотя бы личную охрану, командиров, их заместителей с первыми клинками и посвященными, наиболее сильных магов в первую очередь. Их всех будет не так много – сотен пять-шесть.

– А вот это уже приемлемо. В день мы, впятером, будем проверять по пятьдесят-шестьдесят. Предлагаю начать сейчас с личной охраны. Если поторопимся – и ночевать на сеновале не придется...

Дверь открылась, и вошла беловолосая орин, впуская моих старших братьев и сестер во главе с еще одним братом моей матери – дядей Арештаром. Подчеркнуто вежливый и одетый в плащ с глубоким капюшоном, он производил впечатление строгого учителя, ведущего на экскурсию своих учеников-раздолбаев. Две мои старшие сестры в манере одежды, похоже, копировали Арисну, а братья были одеты в стиле Эхаера – серебряные камзолы со знаком дома напротив сердца. В кабинете стало немного тесновато. Матриарх поднялась с кресла и произнесла, подождав, пока закроется дверь:

– Что ж, теперь, когда все собрались, я сообщу вам причину сбора. Скрывать определенные факты стало бессмыслен-

ным. Итак, мой младший сын, Ашерас, является Перерожденным. Его покровительницей является богиня Холодного Страха Эхаялин. Вдобавок у него сильнейший дар за всю историю дома. На данный момент у него шестьдесят три полностью развитых тера... – после этих слов матриарха поднялся шум. Мать подняла ладонь, успокаивая родственников. – Мы с Эхаером считаем, что оба покушения были направлены не на меня, а на него.

Если до этого на меня смотрели все, то теперь от взглядов зачесалась кожа.

– Сегодня, час назад, Ашерас произвел захват Тариса, моего охранника, по подозрению в участии в последнем покушении и убийстве своего брата. Его обвинения подтвердились. При попытке допроса Слезами Счастья Тарис начал безумно хохотать, а при попытке призыва Первородной Тьмы его голова лопнула. Как многие из присутствующих знают, умениями, позволяющими создать такой эффект, обладают только древние иллити. Имеет право на существование гипотеза, что Тарис действовал не один. В связи с чем мы должны увеличить личную охрану вдвое и сегодня же проверить ее призывом Тьмы. Также я созвала совет жриц дома, на котором расскажу большую часть правды. Чтоб они присматривали также друг за другом. В ближайшее время мы должны проверить всех атретасов, занимающих ключевые посты.

Я зевнул. Перекусить бы еще раз да сходить в туалет...

Мать посмотрела на меня и произнесла:

– Ладно, идем. Они уже должны были собраться.

Внутри дара раздался голос Тьмы: «Я помогу. Я скажу, кто из них под контролем».

Я посмотрел на матриарха, которая как раз проходила мимо меня, и дотронулся своей рукой до ее ноги. Мать, остановившись, с интересом посмотрела на меня.

– Тьма говорит, что скажет, кто предатель... – Я прикрыл глаза и нырнул снова в дар. С трудом сосредоточившись, я послал мысль во тьму. «Как? И что мне нужно сделать?» Ответ пришел сразу: «Просто смотри. Я скажу, кто это будет». Я отрыл глаза, с трудом выныривая из мрака своего дара. – Она скажет. Она сказала смотреть...

Матриарх оглянулась:

– Вы слышали. Будьте готовы, нам они нужны живыми. Это не танцоры, которых можно резать на алтарях без разбору, – это жрицы. Становой хребет нашей армии и дома. Надеюсь, это понимают все? – Мать обернулась ко мне. – Когда выйдем, посмотришь на охрану. Если что – тихо говоришь мне.

Мать дотронулась до браслета, и тот ответил ей переливом разноцветных огней. Матриарх развернулась и направилась к выходу. Родственники потянулись за ней. Ко мне подошла орин из свиты матери и взяла меня на руки. Я заглянул в свой дар и с удовлетворением увидел, что он заполнен на две трети. Переведя свое внимание на вращающиеся

вокруг него сферы, я наконец-то понял, что это. Здесь были все восемь цветов сил и стихий, названные матриархом во время небольшой и неполной лекции. Интересно, а что символизирует сам дар? Порядок? Хаос? Пожалуй, все вместе. Я вынырнул из дара, чтобы обнаружить, что мы прибыли в большую залу, занятую небольшой группой беловолосых жриц атретасов. Я позвал Тьму: «Ну как? Они в порядке?» Ответ пришел незамедлительно: «Здесь все в порядке». Я посмотрел на матриарха и помотал головой. Мать сузила глаза и, пару раз посмотрев на меня и атретасов, произнесла, обращаясь к ним:

– Как вы знаете, сегодня был задержан Тарис по подозрению в убийстве своего брата. Однако во время допроса он покончил с собой. Мы думаем, что Тарис принимал непосредственное участие в недавнем покушении. Существует очень большая вероятность того, что он действовал не один. Мой сын Ашерас сейчас контактирует с Предвечной Тьмой. Она обещала сказать, кто предатели, если они, конечно, есть. Вы должны будете задержать их, если предателей окажется слишком много для нас. Знайте, что над ними, вероятнее всего, поработал кто-то из древних иллити. И только Предвечная может им помочь. Поэтому не убивать без необходимости. Ситуация ясна?

Жрицы, как по команде, встали на одно колено и подняли правую руку ладонью вверх.

– Да, матриарх.

– Идем.

Мать вышла из зала, и за ней последовали мы, а следом за нами – жрицы охраны. Мы, пройдя по коридору, вошли в огромное внутреннее помещение, похожее на амфитеатр. Я окидывал взглядом стены, украшенные барельефами и статуями, изображающими жриц, и услышал Тьму: «Вот они». Мои глаза перестали повиноваться мне, и я уставился на четырех черноволосых жриц, стоящих на пути нашего следования. Я взмолился: «Не смотри на них – что-то заподозрят». Они так молоды... Глаза послушно вернулись под мой контроль, и я тут же стал шарить по лицам других жриц. «Больше никого нет?» Ответ был краток: «Я не ощущаю». Матриарх тем временем забралась на сцену и начала чего-то вещать. Я даже толком не воспринял и одного слова полностью, прощупывая лица жриц и контролируя первых четырех. Заглядываю в дар: «Ты поможешь мне?» Ответ меня заинтриговал: «Даже больше. Я, как говорится у тебя в мире, инвестирую в тебя кое-что. Не бойся – больно не будет. И да, я помогу тебе со жрицами. Приблизься к ним как можно ближе, когда будет достаточно, я атакую всех четырех. Ты понял?» Вынырнув, я посмотрел на отца, а он на меня. Я кивнул ему и, обернувшись, сказал орин, державшей меня: – Сейчас идем назад той же дорогой. Когда я атакую – стоишь не двигаешься. Поняла?

– Да, атар.

– Иди. Знай, они справа. Четыре черноволосые молодые

жрицы.

Служанка пошла обратно по проходу между рядами. Я буквально почувствовал, как напряглись родственники и одеревенели руки орин, держащей меня. До группы жриц остается десять шагов – я распускаю все теры и накачиваю их силой. Пять шагов – теры зависли живыми пучками щупалец над ними. Четыре жрицы смотрят на меня, не осознавая нависшей опасности. Орин поднимает ногу для последнего шага. Я активирую магическое зрение и даже не смотрю на четверых, хоть и невольных, но предательниц. Восприятие времени растягивается. Орин касается пола каблуком, и я атакую. На каждую жрицу по пятнадцать теров. Их оплетает, как коконы, и я одним рывком подтягиваю жриц к себе. Они пытаются создавать какие-то заклинания, но не успевают. Когда до меня остается меньше метра, беззвучным взрывом черного тумана нас всех накрывает тьма. Секунды крошечного мрака. Слышатся удивленные крики, топот бегущих ног, шелест вынимаемого из ножен оружия. Тьма быстро рассеивается, и я вижу, как она втягивается лежащим на полу головами ко мне жрицам в глаза. «Вытяни руку», – шепчет Тьма. Я вытягиваю и вижу, как на руке расходится кожа и мышцы, практически разделяя кисть пополам. Из страшной раны не вытекает ни капли крови. «А вот сейчас будет больно!» – шепот Тьмы еле слышен. И она начинает шептать жуткие слова на древнем языке. Я слышу каждый звук ее голоса. Из еле слышного шепота голос нарастает, превращаясь

в зычный крик. Эхо ее голоса гуляет внутри меня, многократно отражаясь и накладываясь, превращаясь в страшный ритмичный рокот. Внезапно все прекращается. Тьма шепчет последнее слово и сжимает мою разделенную кисть в кулачок, из которого капает четыре черные, дымящиеся тьмой, капли. Они замирают в воздухе, а потом устремляются к лежащим. Остановившись над расprostертыми жрицами, падают им на лоб, мгновенно впитываясь в серую кожу. Тела жриц сразу выгибаются дугой и так же резко расслабляются. Контроль силы над окружающими падает, но никто из атретасов не шевелится, а близко стоящие почти не дышат, опасаясь повредить моим планам или концентрации. Матриарх проталкивается вовнутрь круга и опускается на колено. Хочет что-то сказать, но в следующее мгновение тела начинают меняться. Сначала стремительно белеет кожа, становясь такого же цвета, как и у атар, а потом и волосы становятся белее снега. Все четверо начинают дышать и, открыв глаза, извернувшись с кошачьей грацией, становятся передо мной на колени и хором произносят:

– Приказывай, владыка.

От рокочущего хохота Тьмы у меня начинает дергаться левый глаз. Хохот прерывается, и Тьма шепчет: «Они займутся твоей охраной, а то мне некогда возиться с тобой все время». И ощущение безграничной силы уходит, оставляя лишь слабость и головокружение. Мать поднялась, вопросительно глядя на меня. Я смотрю на руку – раны нет, лишь

тонкий шрам напоминает о ней. Мой голос слаб и тих, но в абсолютной тишине он слышен почти всем.

– Мой матриарх, Предвечная Тьма сказала, что они будут служить мне и защищать меня. Из присутствующих жриц с измененным сознанием больше нет. Всех остальных, боюсь, придется проверять по вашему плану. Призыв Предвечной сильно меня истощил.

Глаза начали слипаться. С трудом удерживая себя в сознании, я услышал, как матриарх отдает приказы:

– С завтрашнего дня начинаются проверки всех не присутствующих здесь призывом Предвечной Тьмы. О произошедшем здесь не распространяться тем, кого тут не было. Обсуждать происшедшее только с теми, кто был здесь или прошел проверку. Дом остается на осадном положении. Не выпускать из дома никого из тех, кто не прошел еще проверку. Маги, командиры танцоров и рейдеров должны быть под постоянным наблюдением до тех пор, пока не пройдут ритуал призыва. Приказы ясны?

Жрицы атретаса что-то утвердительно гаркнули. Я перевел взгляд на коленопреклонных белокожих и беловолосых жриц, ожидающих моих приказаний. И что они ожидают от меня? А, не будем ничего мудрить – у меня как раз нет служанки.

– Охрана и уход за мной...

После этих слов я ощутил, что силы меня окончательно оставили. Мои глаза сомкнулись, и я погрузился во тьму без

сновидений...

2. Размышления

Первое, что я почувствовал, когда проснулся, был голод. Я открыл глаза и потянулся. Моя комната, как никогда, радовала глаз.

– Владыка? Вы проснулись?

В следующее мгновение я вспомнил события последних дней, и мое настроение упало ниже плинтуса. М-да. Я повернул голову в сторону голоса и увидел измененную Тьмой жрицу, сидящую на стуле возле моей кровати. Глядя на нее, я осознал, что впервые могу в деталях рассмотреть жрицу в полной экипировке вблизи. Жрица была одета в полный наборный кожаный доспех атретаса с белой маской, закрепленной на темени так, чтобы опустить ее на лицо можно было одним движением. Из всего доспеха только наплечники, изображающие раскрытую пасть дракона, наручи, налокотники, поножи с наколенниками и набедренниками были из металла. Высокий воротник куртки плотно закрывал горло, а за головой я заметил капюшон очень тонкой кольчуги, свободно лежащий на спине. Обтягивающий шнурованный костюм подчеркивал достоинства измененной: выдающуюся грудь и стройную фигуру. Черный доспех выгодно контрастировал со снежно-белой кожей и абсолютно черными белками глаз, на которых выделялась алыми рубинами багровая радужка. Кожаные шнурованные штаны подчеркивали

стройные длинные ножки, обутые в узкие сапожки без каблука. Переведя взгляд на лицо, обрамленное белыми волосами, я признал, что Тьма отлично поработала над атретасами. Впрочем, какие же это атретасы? Это атары, пусть и не по рождению. А что насчет потенциала? Я воззвал к своему дару и, распустив теры, обнаружил двадцать пять щупов жрицы. Чуть слабее Эхаера, но сильнее моих старших сестер. Я скользнул глазами по гибкой фигуре и снова остро осознал свой малый возраст и невозможность воплощения своих желаний. Да уж, по красоте измененные могут поспорить с матерью и Арисной. Вооружена же жрица была буквально с ног до волос: на икрах – пара ножен с изогнутыми кинжалами, на бедрах пристегнуты ножны с короткими изогнутыми мечами, на поясе – пара ножен с полуторными прямыми мечами и лезвийная плетъ, сложенная в короткую трость, на теле – перевязи с короткими легкими метательными ножами, за спиной – двуручный, лишь самую малость изогнутый меч с длинной рукояткой, похожий лезвием на японский нодати, боевая коса с прямым расположением блестящего лезвия была прислонена к изголовью моей кровати. Даже в туго зафиксированном хвосте белых волос что-то опасно поблескивало. Интересно, под языком они тоже держат отравленные иглы? Пошлые мысли, возникающие при рассмотрении моего приобретения, подняли мое настроение из отвратного до приемлемого. Голод снова толкнулся внутри моего тела.

– Все в порядке. Я проснулся и голоден. Распорядись насчет еды.

Жрица изящным движением поднялась и, покачивая бедрами, вышла из моей спальни. Если остальные три такие же, я за пятнадцать лет до полового созревания эльдаров или привыкну, или стану невротиком, что более вероятно...

Спустя совсем немного времени вошла незнакомая орин с подносом, на котором стояла моя еда. Когда я поел, она унесла его и тут же появилась с моей одеждой. Одевание прошло уже привычно. Когда я встал на ноги и подошел к зеркалу, то пораженно и испуганно замер. Эти дни не прошли бесследно... От толстенького черноволосого карапуза осталась лишь белокожая худощавая тень. Мои черные волосы полностью побелели и даже глазной белок и радужка стали белого цвета. На белых, как молоко, белках лишь выделялась черная точка зрачка. Вокруг глаз собрались мешки, как у беспробудного пьяницы. Орин тем временем собрала мои волосы в короткий хвостик и закрепила его черной шелковой ленточкой. Я недовольно вздохнул. Как же я похудел...

От мрачного рассматривания самого себя в зеркале меня оторвало появление измененной. Под моим взглядом она вошла в спальню и встала на левое колено.

– Владыка, матриарх передавала, что желает вас видеть.

Опять. Я что поболеть не могу? Еще немного, и у меня даже кровь станет белой. Я нырнул в дар. Ну, хоть тут меня порадовали – дар полностью восстановился. Правда, напол-

нен он был не обычной беловатой энергией с протуберанцами, а серой, и энергия вырывалась толстыми языками с его поверхности. В чем же дело? А вот и причина – черная клякса тьмы была раза в два по диаметру больше своих товарок, а энергии выделяла раз в десять больше. Наверное, это влияние Предвечной... Вынырнув, я пересчитал теры – их количество не изменилось. Значит, дар будет просто быстрее восстанавливаться. Ну и отлично. Я перевел взгляд на жрицу:

– Возьмешь меня на руки и понесешь.

– Да, владыка.

Мне показалось или я действительно услышал в ее голосе радость? Жрица практически без усилий взяла меня на руки и вышла из моих апартаментов. Две другие жрицы пошли впереди в трех шагах, а одна сзади на том же расстоянии. Что же создала Тьма для моей охраны? И как? Я попытался вспомнить слова, которые произносила Предвечная, и осознал, что не только помню их, но и знаю все условности даже не заклинания, а ритуала. В первую очередь меня впечатлили энергозатраты – около полумиллиона эргов тьмы на переделку одной жрицы. Без каких-нибудь накопителей не стоит и мечтать... А ритуал сам по себе способен переделать любую из народа эльдаров, даже если это будет светлая, в атар. Он способен даже менять цвет волос, кожи и глаз по желанию создающего. Не буду, наверно, я говорить матери о моих знаниях... Я вынырнул из раздумий перед дверью в покои к матриарху. Пара жриц атретаса, тоже в полном сна-

ряжении, стоящие по обе стороны от дверей в кабинет и держащие в руках по косе, выпучили глаза на нас и вытянулись в струнку, втянув живот. Правая дотронулась до браслета связи на правой руке и, чуть подождав, открыла нам дверь. С чего бы такое отношение? Хотя после того представления, что сотворила Предвечная...

Матриарх сидела за столом, как обычно, в максимально открытом наряде и молча смотрела на нас. Я посмотрел измененной, держащей меня на руках, в глаза и произнес:

– Сядь в кресло.

На руках сидеть было намного лучше. Вдобавок я в результате оказался выше и смог смотреть на мать почти ровно. Я повернул голову к измененным. Это было поразительно. Они были одинаковы по росту, телосложению, форме и цвету глаз и даже вооружению с доспехами. И как мне их различать? Придумал! Я прикажу им покрасить кончики волос в разные цвета. Мм... Красный, синий, фиолетовый и черный или зеленый.

– М-да. Как странно мы стали жить после твоего рождения. Всего за один день из двенадцати атар нас стало шестнадцать. – Голос матриарха был спокоен и умиротворен. – Моя было пошатнувшаяся власть стала крепче стали. Мое слово стало законом. Я не стала скрывать произошедшее – почти половина мужчин атретасов уже проверена силами их же жриц. Оставшиеся изолированы и тихо ждут своей очереди. Готовься, Ашерас, завтра к тебе придет с визитом пред-

ставитель Совета ариров Верховной богини. Не пугайся, ты для них пока что неприкасаем. Она лишь засвидетельствует тебя и именованных для истории да обсудит с тобой кое-какие организационные детали. До тех пор ты свободен – отдыхай и набирайся сил.

– Мой матриарх, а где будет спать моя охрана?

Мать задумалась.

– Да, ты прав. Тебя нужно переселять. У нас есть десятки опечатанных покоев для атар в закрытом крыле. Так что это не проблема. Некоторые из них довольно велики, чтобы запросто вместить тебя и всю твою свиту, даже если она еще разрастется.

Это что, намек?

– Благодарю, матриарх.

– Да! Я даю тебе право называть меня по имени! Все-таки ты взрослый атар, хоть и заключен в детском теле. Вас проводит моя орин. – Мать сделала правой рукой знак из сложенных хитрым образом пальцев, выбросив в пространство легкий сполох тьмы.

Сзади открылась дверь, и вошла уже знакомая беловолосая орин из свиты матриарха.

– Покажи Ашерасу и его свите запечатанные покои атар. Это те, что в глубине дома. Пусть возьмут что захотят. После чего предыдущие убрать и запечатать.

– Да, матриарх. – Орин склонилась в неглубоком поклоне.

Я попрощался с матерью, подняв правую руку ладонью

сверху, и мы вышли вслед за орин. Измененная легко держала меня на руках, а ее грудь была мягче подушки. Я даже немного умиротворенно задремал, под звук сердцебиения измененной, пока мы двигались за орин. Снилось мне хохочущая Тьма, но неожиданно ее рокошующий голос превратился в мягкий требовательный зов моей охранницы:

– Владыка, владыка, проснитесь, мы уже пришли.

Я потянулся и вопросительно посмотрел на замершую в ожидании орин. То, что меня держала на руках жрица атар, вызывало во мне чувство защищенности, и, проснувшись, я был в прекрасном настроении. Благосклонно посмотрев на орин, я произнес:

– Начнем?

Орин чуть поклонилась и начала все объяснять:

– Вот это внутреннее помещение является естественным провалом в глубине под домом. Как атар может видеть, над нами стены смыкаются в свод. Внизу, под нами, квадратная медитативная площадка со стороной около тридцати пяти шагов. Она посыпана песком с берегов Моря Мертвых и впитывает магические остаточные эманации. Сейчас мы находимся на самом верхнем, десятом, этаже комплекса. На этом этаже покоев нет, он создан как обзорная и тренировочная площадка. Также покоев нет и на первом этаже. На каждом из восьми этажей существует четверо апартаментов для атар – по одному на каждую сторону квадрата. Как вы можете видеть, в каждом углу есть лестницы и подъемная площад-

ка. На верхних этажах планировалось размещать атар, занимающих более высокое положение, чем другие: жриц, ариров, сильных магов. Поэтому, если вас ничего не интересует на верхних этажах, предлагаю не спускаться ниже, а идти в другой комплекс. Их всего существует пять. Последний, пятый, имеющий название Граница Мрака, является очень древним, давно не посещался, и я не советую туда даже со-ваться без сопровождения полного отряда атретасов.

Гм-м... Спать в древнем помещении... Ощущать воздух, которым дышали поколения атар... Пытаться осознать всю мудрость древнего народа... Рассматривать древние статуи и барельефы... Слушать шепот Тьмы, таящейся в углах и тенях... Что может быть лучше для атара, который говорит напрямую с ней? Я прикрыл глаза и произнес:

– Вызывай жриц... Отсюда не далеко до древних покоев?

– Одумайтесь, атар! Туда никто не заглядывал больше восьмидесяти лет! И там могло поселиться все что угодно!

– Тем более нечего в доме иметь такое пятно!

Орин внезапно побледнела и быстро произнесла, склонив голову:

– Прошу прощения. Вам придется подождать, атар. Я скоро вернусь с отрядом жриц... – произнесла это, она быстро удалилась.

Что-то я стал несдержан. Ожидание затянулось, и от нечего делать я хотел было вздремнуть, но сон не приходил. Чтобы хоть как-то занять время, я решил начать разговор с из-

мененными.

– Вы помните свои имена?

– Нет, владыка, – отозвались почти одновременно они, пробудив во мне интерес к разговору.

– Но вы же знаете высокую речь?

– Да, владыка. – Что-то разговор не заладился.

– Приказываю не называть меня владыкой и... другими титулами. Только по имени. Всем все ясно?

– Да, Ашерас.

– Итак, продолжим... Вы умеете обращаться с оружием и своей магической силой?

– Да, Ашерас. – Просто офигеть, какая содержательная беседа. Скорее допрос.

– А вы знаете, откуда у вас эти знания?

– Да, Ашерас. Нам их дала Предвечная.

Кое-что прояснилось. А что, если?

– Вы можете меня научить магии?

– Да, Ашерас.

– Приступим завтра. И кончики своих волос покрасите каждая в свой цвет – черный, синий, красный и зеленый. Это можно сделать и закрепить магически?

– Как скажет Ашерас.

Нас прервал тихий шум шагов. Измененные среагировали мгновенно – вытащили свои узкие но-дачи, взяв их в правую руку, а в левую метательный нож. Вдобавок они распустили свои теры и сплели из них по дюжине черных узлов, плюс на-

крыли себя какой-то защитой из черного тумана, искажающего обычное зрение. Жрица, держащая на правой руке меня, вытащила левой правый полуторный меч и отступила за спины своих подруг. Глядя на их озабоченность, я тоже выпустил все свои теры. Жрицы медленно и беззвучно опустили свои белые маски с узкими прорезями для глаз на лица. Я вызвал магическое зрение, растянув восприятие времени. Из коридора вышли тринадцать жриц в полной экипировке с поднятыми масками и недоуменно уставились на нас. Измененные, оглядев их, медленно попрятали свое оружие в ножны и тоже подняли маски. Я раздраженно выключил зрение и втянул теры. Командир атретасов подошла ближе и спросила нас:

– Вы звали, атар?

– Да, мои апартаменты стали малы для меня и моей свиты. Прежде всего, мы бы хотели осмотреть Границу Мрака, оценить степень заброшенности и количество усилий, которые будут затрачены на их восстановление. Орин из свиты матриарха сообщила, что там может быть опасно. Кстати, а где она?

– Я здесь, атар. – Орин вышла из коридора. Так это что же, была проверка? Действительно ли измененные смогут меня защитить? И умеют ли они пользоваться даром? Матриарх, как обычно, разводит интриги на пустом месте. У меня даже возникло подозрение, что в Границе Мрака нет ничего такого жуткого и это просто запущенный и пыльный комплекс, с

неработающими светильниками и местными аналогами лифтов. Что ж, засунем свою гордость подальше...

– Веди нас.

Отряд из дюжины атретасов, возглавляемый беловолосой жрицей, распался на две равные части. Одна половина пошла впереди, а другая сзади. Их командирша осталась с нами. Наш отряд вышел из комплекса и, пару раз повернув в ответвления коридора, оказался в громадном холле, заканчивающемся очень широкой мраморной лестницей. Прямо перед ней заканчивались работающие светильники и начался мрак. Орин остановилась и стала всматриваться в пол и стены. Что-то увидев, она произнесла, обращаясь к нам:

– Атар, в светильниках и защитных узлах уже очень давно истощилась энергия. Их необходимо зарядить и подождать, пока система очистится от паразитов, плесени и мха. Вдобавок нужно обновить плетения регенерации воздуха. Иначе мы можем задохнуться.

Я посмотрел на одну из измененных:

– Ты сможешь это сделать?

– Да, Ашерас.

Я включил магическое зрение и стал с интересом смотреть, как измененная ходит за орин и дотрагивается своими терами до указываемых ей выгравированных рисунков на полу и стенах, переливая туда свою силу. Закончив, орин подошла ко мне и произнесла:

– Эта часть дома чрезвычайно стара. Она была построена

еще в те времена, когда даже Альверист'аса еще не было и в планах. Вам же еще не рассказывали легенду вашего появления в этом мире?

Я заинтересованно посмотрел на орин.

— Ну что ж. — Орин посмотрела на медленно разгорающиеся знаки на полу и начала повествование: — Очень давно, более тридцати тысяч лет назад, в этот мир пришел один из молодых Адских владык по имени Ашерет А'трот. Здесь еще ничего не было, кроме травы и гор — и владыка не посмел тронуть это девственно чистое место. Владыка ушел, запомнив координаты, и вернулся спустя пять или шесть сотен лет. Здесь я, с вашего разрешения, сделаю отступление. Понимаете, Ашерас, по отношению к Адской Вселенной существует одно общеизвестное понятие — война владык. Это не просто название бесконечного конфликта в этой вселенной. Это ее состояние, в котором Адская Вселенная пребывает с момента сотворения. Война владык — это чудовищный конфликт между Адскими владыками, длящийся с момента сотворения этой вселенной. Все, кто хоть раз видел битвы войны владык, вещают, что более ужасного и подавляющего зрелища не найти во всем сотворенном. Говорят о выжженных мирах, заваленных трупами, о буйстве сил, стихий, Порядке и Хаосе. Так вот, в то время жуткая война владык разгорелась особенно ярко, и Ашерет бежал от ее, прихватив с собой самое ценное, что у него было, — свою жену и детей, а также часть своих сокровищ. Но его выследил и проник следом за

ним его враг – другой владыка. Схватка была скоротечной, и враг пал, успев необратимо ранить Ашерета. Умирая, владыка А'трот разделил свое естество и душу между женой и детьми, дав им силу выжить в этом мире. Его дети стали нашими богами и предками – первыми из атар. Когда Великая Тьма привела нас в этот мир, вы стали нашими правителями и защитниками. Поэтому пришедшие позже остальные расы и их боги оказались слабее, и наш народ легко вытеснил их из нашего ареала обитания. Было несколько крупных войн, во время которых появились Великие Драконы, рожденные из яиц, которые были в сокровищах А'трота. Когда они вылупились, то уже обладали памятью крови, и лишь пятеро согласились быть Великими стражами... – голос бело-волосой орин завораживал. – Это были Ледяной дракон Рентор – Страж Великого дома Р'еанр'е, Ржавый дракон Эхеш – Страж Великого дома Сатх, Черный дракон Кигри – Страж Великого дома А'сеатр, Багровый дракон Ратот – Страж Великого дома Кхитан и Хаотический дракон Р'еареш – Страж Великого дома И'си'тор. Все они не были драконами в прямом смысле этого слова, а были созданы в войне владык как оружие. С тех пор они охраняют Великие дома, а с ними заодно и возникший вокруг них город, получивший название Альверист'ас.

Когда Орин закончила свое повествование, я оглянулся и с удивлением обнаружил, что все окружающие замерли, прислушиваясь к ней. Орин тоже удивленно оглянулась:

– Ну, а вы что, никогда этого не слышали?

Командир атретасов задумчиво произнесла:

– Лично мне историю начали читать только с периода Пришествия и Исхода светлых эльдаров, ну и историю войн, их причин за этот период. А вам, девочки? – она обернулась к своему отряду.

– Нам тоже, – произнесла другая беловолосая жрица.

– И нам, – подтвердили другие члены ее отряда.

Орин удивленно произнесла:

– А чему же вас учили в детстве и в храме?

Командирша оглянулась на подчиненных и уверенно сказала:

– Кодекс, владение оружием, техники боя без оружия, магические конструкторы, Школа заклятий Тьмы, простейшая артефакторика, приемы плетения боевых узлов, строение тела представителей разных народов, да многого и не упомянуть. Все-таки мне шестьсот сорок семь лет.

– М-да уж, – произнесла разочарованно орин. Она хотела еще что-то добавить, но, посмотрев на узоры на стенах, недовольно произнесла: – Завелись какие-то вредители. Нужно активировать защитную систему. Она требует двадцать пять с половиной тысяч эргов силы Тьмы. Вашим атарам придется отдать всю энергию для ее активации. Придется вам и атарам вместе с атретасами идти вручную разбираться. Я же останусь здесь. Освещение и системы фильтрации и обогащения воздухом включены...

– Не нужно, – сказал я. Что-то не хочется лезть к каким-то тварям. К тому же не нравится мне, что один одна останется здесь. Я обернулся к своей носильщице: – Покажи, как вы накачиваете энергией эти знаки. – И снова к один: – Что нужно зарядить?

Один недоуменно указала на вязь выступающих знаков на стене, расположенных столбцом.

– Эти знаки указывают степень зарядки защиты. Когда энергия поступит в накопители – надпись засветится. Но, атар, это очень большое количество энергии, причем только одной силы. Где вы ее возьмете? Лучше вызвать на подмогу кого-то старших из атар со своими свитами...

Наверное, она думает, что я бессилён. Но мой дар полон под завязку. Я перевел взгляд на измененную:

– Показывай... – и активировал магическое зрение.

– Система очень проста – при касании вашего тера к выходу накопителя в начале вязи Древних нужно направить в него энергию из дара определенной силы, в данном случае – Тьмы. Другая энергия просто не будет принята.

Я выпустил тер и коснулся надписи. Значит, можно гнать всю силу подряд, пройдет только та, которая нужна.

– А что будет с той маной, которая не подойдет?

– Будет исторгнута наружу. Я поняла, Ашерас, что вы хотите сделать. Это очень опасно. Такое огромное количество энергии, пусть и не оформленное в заклетья, узлы или формы, все равно крайне разрушительно. Ашерас, если вы вы-

плеснете в этом помещении две-три тысячи эргов чистой энергии Смерти, Света или Жизни, то это уничтожит все живое здесь, кроме вас, конечно.

Жаль, такую идею похаяла. Она же продолжила.

– Намного безопаснее просто вытянуть из своего дара Тьму. Сосредоточьтесь, нырните в свой дар и вытяните из него именно Тьму. Это должно быть не сложно. Вы же можете управлять стихией Огня? Это не проще, чем управлять любой из сил.

Я покосился на измененную. Легко ей говорить. Все равно что объяснять слепому от рождения, что такое отражение в зеркале. Ну ладно, я-то – прозревший. Так что разберусь. Сосредоточившись, я нырнул в дар и начал его мять своей волей, пытаюсь прислушаться к своим ощущениям. Внезапно я услышал тихий смех. «Глупенький малыш, ты все не так понял. Зайди сначала. Раздели дар на силы и стихии, а потом уже забирай что нужно. Представь, что энергия сил и стихий собирается напротив своих же источников. И запомни одно: твой дар – твоя вселенная. Ты в ней Творец!» – голос Тьмы из шепота превратился в зычный рокот с громовыми перекатами. Ну что ж. Дар послушно перестроился. Черный сектор был больше двух третей. Я лишь легким волевым усилием буквально выдрал из него всю черную часть и одним куском послал в отросток тера, который выглядел изнутри пустотелым шлангом. Вдобавок я завернул всю регенерацию огромной черной кляксы силы на тот же тер. Хохот Тьмы зарoko-

тал, переливаясь и отражаясь внутри меня эхом. Я с трудом успел вынырнуть из дара, чтобы увидеть сам процесс заполнения. Тер раздуло словно анаконду, проглотившую бегемота. Утолщение медленно продвигалось к выходу накопителя в начале надписи, и когда абсолютно черный сгусток достиг его, то он впитался почти мгновенно. По теру продолжала течь тоненькой струйкой сила. Я поднял взгляд на надпись-индикатор. Она из обычной стала почти черной, лишь последний иероглиф вязи не был заполнен. Но и он, словно бутылка, заполнялся на глазах. Я повернулся к орин и полюбовался на ее выпученные глаза и раскрытый рот. Хмыкнув, произнес, обращаясь к измененной:

– Я все сделал правильно?

– Да, но как вы, Ашерас, так быстро освоили это?

– Не обошлось без Предвечной. – Я поморщился. Захотелось кушать. А почему я должен терпеть? Я поднял глаза на надпись – индикатор закончил заполняться на глазах и внезапно полностью потух, а потом начал снова заполняться. Какого? Придется отложить обед. Я вопросительно повернулся к орин. Она уже справилась с удивлением и с подобострастием смотрела на меня. Предвосхищая мой вопрос, она быстро произнесла, склонив в уважении голову:

– Данная энергоячейка служит для упорядоченного снабжения комплекса энергией. Это сделано для того, чтоб было бессмысленно ее разрушать во время штурма данного жилого комплекса. Сами накопители находятся на самой глубине,

под самым нижним этажом системы апартаментов атар Граница Мрака. Их емкость огромна – десятки миллионов эргов. Их бессмысленно перегружать – Древние позаботились о том, чтобы они не могли взорваться. Излишки стравливаются в разлом под ним. – Орин подошла к стене и дотронулась до нескольких знаков, выгравированных на поверхности. В ответ на ее касания знаки загорелись голубоватым свечением, а посреди площадки перед холлом появилось трехмерное, светящееся голубым светом, запутанное изображение. – Итак, это план всего комплекса. Как видите, в нем пятнадцать этажей. В нем есть множество помещений для орин и даже небольшая казарма на пять десятков атретасов или ариров, а также система жертвенных алтарей на нижнем этаже колодца Система практически та же, что и в комплексе, что мы осматривали до этого. Причина в том, что их создатели, создавая что-то новое для атар нашего дома, всегда ориентировались именно на этот комплекс. Но Граница Мрака уникальное строение Древних и является не только архитектурной ценностью, но и имеет религиозное значение для всех темных эльдаров. Как я говорила, комплекс имеет собственную систему защиты и обеспечения. Он обладает большой автономностью, так как создан из огромного куска скалы, висящего над провалом. Его удерживают от падения митриловые цепи и древние заклятья Порядка, которые накладывала сама богиня лично. Из-за этого он может служить и служил последним рубежом обороны дома. Как вы видите,

на схеме есть красные точки – это какие-то твари, поселившиеся внутри. Система управления проста до безобразия. В этом суть строений Древних – они делали простые, но надежные в работе предметы и их системы. – Орин сняла с шеи знак дома на красивой черно-матовой цепочке и, обмотав ее вокруг кисти, закрепила знак дома на ладони. – Атар, подобных ключей было сделано всего пять. Три находятся в сокровищнице дома, а один потерян во времена последней войны домов и вполне может быть у наших врагов. Это еще одна причина незаселенности данного комплекса. Обладаящему подобным ключом доступна вся система обороны Границы Мрака. Конечно, несанкционированный доступ можно ограничить во время штурма, но подобные меры бессильны перед диверсиями. Вот, смотрите сами: я локализую нарушителей... – Орин дотронулась до красных точек в синем полупрозрачном плане. – Выбираю средства уничтожения из доступных... – над сонмом красных точек появились надписи на древнем с символами в круге в конце надписей. Некоторые были ярко-голубыми, другие – серыми. Орин коснулась нескольких надписей, и одна из красных точек увеличилась, став трехмерным изображением большой летучей мыши, висящей вниз головой. Орин коснулась еще одной надписи – рукокрылое внезапно начало высыхать и упало на пол, разбившись на части.

– Теперь применяем эти меры ко всем нарушителям. – Орин дотронулась рукой с ключом до надписи, и все красные

точки исчезли. – На эту очистку было затрачено всего тысяча эргов. – Загасив трехмерную проекцию, она повернулась к нам и произнесла: – Ну вот и все, великий атар, Граница Мрака очищена от нарушителей и ожидает нас.

Я посмотрел на почти черный индикатор энергоячейки и, когда заряд сбросился в центральный накопитель, выдернул тер из надписи. Приведя свой дар в исходное состояние, я произнес, посмотрев на терпеливо ожидающую орин:

– Ну что ж, веди нас.

Орин повернулась и, спустившись по лестнице, дотронулась до высоких, не менее девяти-десяти метров, двустворчатых дверей. Сделанные из непонятного материала двери бесшумно распахнулись. Измененная взяла меня на руки и в сопровождении других атаров и атретасов спустилась вслед за орин.

Сразу за дверьми оказался мост с балюстрадами, разграниченными высокими колоннами с голубыми шарообразными светильниками на вершинах. Мост был длиной около ста метров. Сами колонны у основания были довольно большими и стояли на квадратных постаментах.

– Прошу обратить внимание – постаменты светильников довольно далеко выходят на мост из балюстрады, образуя как бы балконы, которые довольно быстро во время осады превращаются в баррикады, которые легко защищать. Сам мост может быть обрушен, но такого не происходило ни разу с древнейших времен. Комплекс может заряжаться изнутри.

Да уж Граница Мрака поражала своим величием. Гигантский дворец, висящий во тьме и освещенный голубым светом магических светильников. Это было непривычно – в доме светильники светили желтоватым, похожим на закатное светило, светом. Впрочем, о чем я сужу? Я же его еще даже не видел... Когда моя измененная ступила на мост, на меня внезапно обрушился далекий гул. Повернув голову направо, я увидел гигантский водопад, начинающийся чуть выше дворца и низвергающий свои воды куда-то во мрак внизу. Орин терпеливо подождала, пока мы налюбujemyся водопадом, и произнесла:

– Это водопад Потерянной Души Атео. Существует легенда о том, как этот водопад получил свое название. Если атар захочет, я ее кратко перескажу... – Дождавшись моего кивка, наш гид начала свое повествование: – Примерно двадцать тысяч лет назад у первого матриарха нашего дома Ирест родилась двойня. Близнецы получили имена: девочку назвали Атео, а мальчика Эрон. Росли они вместе и жили, дополняя друг друга. Их счастье было велико. Говорят, что даже боги им завидовали. Но то время нельзя было назвать спокойным. Стражи еще не родились, и Великие дома истощала война со светлыми эльдарами. Дошло до того, что на войну отправлялись даже атары, не достигшие первого совершеннолетия. И брата Атео, Эрона, постигла эта судьба. Атео ждала его здесь на мосту каждый день, глядя на водопад. Нужно сказать, что тогда он был так близко, что брызги воды иногда долетали до

этого места, но теперь из-за эрозии горных пород он отодвинулся почти на километр. Так вот, Атео каждый день ждала своего брата на мосту. Светлые, между тем, прознали, что армии и большинства атар нет в Альверист'асе, и совершили, при поддержке гномов, дерзкий набег на почти не защищенный город. Здесь, на этом мосту, Атео схватили. Ее пытали, насиловали, а потом убили, перерезав ей горло на глазах немногих свидетелей и пленных. Тело сбросили в бездну, чтобы ее никогда не смогли найти и отдать богине. Когда ее брат узнал об этом, его охватила ярость и ненависть. И так были велики эти чувства, что от них проснулись и родились Стражи. Эрон творил множество жутких и кровавых поступков. Он стал безжалостен и жесток. Говорят, что именно из-за него, а не из-за нашего Стража, светлые в панике покинули этот материк. Когда Эрон не смог больше убивать светлых, он в отчаянии сам себе отрезал голову и бросил ее в водопад, чтобы одновременно попасть к богине и найти тело сестры. Говорят, что он ищет ее до сих пор... Водопад же стал называться в честь его сестры – Потерянной Души Атео. Иногда, водопад называют просто – Атео, а сам мост – Потерянной Надеждой.

Наш гид замолчала, задумавшись о чем-то, но, быстро очнувшись, произнесла:

– Что ж, идемте дальше, иначе комплекс мы сегодня не осмотрим.

Пройдя по мосту до конца, мы уперлись в еще одни, такие

же, как и с той стороны моста, двустворчатые двери. Орин провела по узору на них рукой с символом дома, и они сами открылись внутрь комплекса, явив нам сам дворец. Лично я, уже искушенный довольно богатым убранством дома, был потрясен до глубины души. Отлично подогнанные гранитные плиты покрытия пола, великолепные статуи в натуральный рост из прозрачного светящегося материала, высокие арочные потолки, батальные горельефы, а в парадном зале стояла высокая статуя из черного камня, изображающая статного мускулистого эльдара, обнаженного по пояс. Его руки от локтей и ниже плавно переходили в трехпалые когтистые чешуйчатые лапы. У статуи чуть светились желтоватым светом глаза. Орин, подойдя к ней, преклонила колено и, встав, произнесла, стоя к нам спиной:

– Это единственное прижизненное изображение владыки Ашерета. У всех остальных домов лишь жалкие копии.

Я посмотрел на статую. Она внушала чувства непоколебимости и страха.

Чтобы все рассмотреть, приходилось крутить головой во все стороны. Поражающая архитектура, сочетающая в себе готические, восточные черты и что-то невыразимое, невероятное и волшебное. Заметив на одном из небольших балкончиков нечто вроде диванов и подушек для сидения, я спросил:

– А разве мебель не должна была рассыпаться со временем?

Орин лишь дернула щекой:

– Древние позаботились об этом. Я вам скажу даже больше. Большинство мебели и убранство комнат не изменялось с момента постройки комплекса и не то что не изнашивались, а даже остались в том же состоянии, в котором и было внесено в комплекс при его постройке. Некоторые части определенных механизмов, которые могли изнашиваться, были выполнены из митрила, полученного по контрибуции от гномов по окончании войны эльдаров. О-о-о, тогда они осознали, что воевали не на той стороне и светлые за них своего живота не будут подставлять. Отголоски той давней обиды есть до сих пор – гном, как видит светлого, так сразу в драку. Правда, когда видят нас, так хватаются за топоры, ну да на каждого гнома с топором есть атретас с косой... – Орин обратила наше внимание на круглые площадки: – Это подъемные платформы, как вы видите, их шесть и расположены они на углах шестиугольника. Они все активировались, когда вы подали энергию в основной накопитель. Также есть две пологие винтовые лестницы на разных концах площадки. Что ж, идемте к платформе – я покажу вам, атар, их принцип действия.

Мы прошли вслед за служанкой и встали на круглую непрозрачную платформу, огражденную прозрачным барьером высотой около двух метров. Платформа легко поместила всех атар и атретасов. В диаметре она была где-то метров десять. Орин дотронулась до черной линии на левой стороне прозрачного цилиндра и произнесла:

– Вот видите здесь указатели этажей, а вот это указатель местоположения нашей платформы. Передвигаем его на этаж, куда хотим добраться, и едем. В момент начала движения проход на платформу закрывается защитным полем, и пока не доедем до указанного этажа, выбраться с платформы крайне затруднительно.

Необычный лифт мне очень понравился. Выйдя из него вслед за орин на следующем этаже, мы обнаружили большое помещение с четырьмя красивыми двустворчатыми дверями. Центр занимал огромный квадратный колодец, огражденный балюстрадой с колоннами. Орин произнесла:

– В покоях на этом этаже раньше жили верховные жрицы дома. Покои же матриарха расположены на верхушке дворца. Осмотрим эти или сразу к покоям матриарха?

– А это вообще возможно? Я имею в виду, мне, жрецу, занять покои матриарха?

– Ну, матриарх же тут не живет. А вы не такой уж и простой жрец и надо сказать, что имеете прямой выход на богиню и Предвечную, а значит, ваше положение приравнивается минимум к положению высокопоставленного арира. И даже, в принципе, можете указывать матриарху, но я бы вам этого не советовала. Так что ваша ценность для дома вполне сравнима с ценностью матриарха. Поэтому, хоть вы никогда и не сможете занять пост во главе Великого дома, вы можете жить в любых покоях, каких захотите, начиная от покоев рядового атретаса и заканчивая покоем верховных жриц и

матриарха.

– А почему мы тогда сразу к ним не отправились?

– Покои матриарха в Границе Мрака огромны. Они рассчитаны на очень большую свиту атретасов и ариров. В них есть не только отдельные покои для них, но и даже для орин, хозяйственные помещения, святилища богов, отдельная кухня, огромный бассейн и отдельные ванны, личный кабинет и небольшая библиотека.

– И все же взглянем на них. – Я оглянулся на атретасов, которые разбежались как дети в музей, и произнес тише: – Это сейчас моя свита мала, но что будет через десять-двадцать лет? Ты понимаешь меня?

– Да, атар. – Орин склонилась в поклоне

– Я даже думаю, что если покои так велики и прекрасны, то мне нет смысла их осматривать и чего-то обдумывать. Веди, показывай их расположение и начинай возню с переездом. А мы сами все осмотрим.

– Идите за мной, атар.

Я перевел взгляд на свою охрану:

– Собирайте девочек, мы выдвигаемся.

Измененные обернулись к атретасам и неожиданно дружно гаркнули:

– Всем собраты! Мы выходим!

Поднявшись всей гурьбой на платформе, мы прошли за орин, которая повела нас через другой зал к таким же высоким, расписанным древними символами и барельефами

дверям. Они были так идеально подогнаны, что барельеф на них, изображающий кровавую битву атар-жриц с какими-то змеями со щупальцами, идеально смыкался в единое целое. Остановившись у них, служанка произнесла, обернувшись к нам:

– Вот это и есть парадный вход в покои матриарха. Существует еще два входа – для атретасов и орин. Для того чтобы открыть двери, нужно пальцем, смоченным в крови атара, провести по гравюре руны Хек и толкнуть. Атару для этого даже не нужно резать палец – в начале руны есть незаметный шип. Для других дверей такого запора нет, они вполне обычны.

Я посмотрел на измененную, и жрица, поняв меня с одного взгляда, быстро провела своим изящным пальчиком по тускло горящей синим светом руне на двери. Когда она закончила кровавые письмена, барельеф разъединился и двери открылись.

М-да. Матриархи живут с шиком. Ну да ничего, теперь и я так поживу. Огромный роскошный зал ожиданий меня не особо впечатлил – ну обычный земной бальный зал с уютными нишами, в которых были мягкие диванчики черного цвета с блестящими золотом ножками. Между нишами стояли прекрасные черные статуи, изображающие жриц атар.

За залом ожиданий была большая приемная, выглядевшая так, словно ее оставили только что. Обстановка была похожа на обстановку кабинета матриарха, только комната бы-

ла раза в три длиннее. Почти такое же черное мягкое кресло с высокой спинкой, но за ним стоял низенький, но широкий и длинный диванчик наподобие тех, что стоят в зале ожиданий. Кресел было намного больше, чем у матери, и все они стояли рядами. Небольшой светильничек на столе освещал все голубоватым светом. Из-за этого казалось, что сейчас распахнутся двери и в комнату войдет величественный и прекрасный матриарх, подавляющий волю одним своим видом и ощущением могущества. В приемную вело еще трое дверей, кроме той, через которую мы вошли. Две были узкими и скрыты за колоннами по бокам от стола, а одна, двустворчатая и тоже украшенная резьбой и золотом, была прямо за диванчиком. Статуи изображали атар, вооруженных косами и изготавившихся к атаке. Они были настолько прекрасно сделаны, что я сильно засомневался, что их именно высекали из камня. За боковыми дверями оказались проходные помещения с небольшими диванчиками и столиками. Очевидно, здесь во время приема находились атрета-сы охраны и слуги с едой и напитками. За задней дверью находился большой, крытый прозрачным материалом внутренний дворик, только в длину бывший больше ста метров и в ширину около сорока. Почти всю его площадь занимал большой красивый бассейн. Он был окружен коридором, отделенным от него колоннадой. К сожалению, впечатление от этого портилось разрухой, творящейся тут. Одна, дальняя от нас, прозрачная пластина упала. Она хоть и не разбилась,

но, упав, открыла путь странным рукокрылым, чьи высохшие тушки валялись повсюду. Вдобавок эти твари загадили все что могли, и в воздухе из-за этого стоял густой смрад. Две измененные синхронно повели руками, сплестя и активировав магический узел, и воздух начал быстро очищаться от вони. Всего через пару вдохов запахло свежестью. Разочарованно осматривая повреждения, я думал о том, что очистка всего этого займет минимум несколько дней. Это в случае если мать не зажмет слуг, а то даст десяток, и восстановление займет месяц. Плюс ко всему надо срочно восстановить или закрыть каким-то заклятьем крышу, а то эти твари могут и еще раз наведаться. Но это была единственная неприятность – все остальное было выше всех похвал. Огромнейшая спальня матриарха даже пугала своим размером и широченной кроватью, на которой вполне могли поместиться те же двадцать атретасов в ряд, еще и место останется для меня любимого. Было также еще двенадцать спален – я так понял, для личной свиты матриарха. Во всех спальнях были пустые будуары, шкафы и небольшие комнатки для личных вещей, оружия и снаряжения. Также было еще четыре пустых квадратных ступенчатых бассейна размером пятнадцать на пятнадцать шагов, украшенных по периметру обнаженными полупрозрачными статуями атар обоих полов. Библиотека же, не в пример основной, была маленькой – всего десяток невысоких и узких шкафов с вполне обычными книгами. Некоторые из них были написаны на рунной вязи Древних, некото-

рые – на современном, значительно упрощенном диалекте. На их корешках, совсем как на Земле, были написаны витиеватые названия.

Казарма для атретасов особо не впечатлила – апартаменты один в один, как те, в которых я жил. Они были расположены в длинном коридоре, похожем на обычный, гостиничный. Помещения для орин я не осматривал – нужно было спуститься по широкой разукрашенной лестнице на этаж ниже. Мы вернулись в приемную, где я приказал отодвинуть к стене кресло со столом, а на передний план выдвинуть диванчик, на который и посадить меня. Диванчик был очень мягкий и приятный на ощупь. Я лег на нем, затянув на него и свои ноги в сапожках. Все равно они чистые – я даже на пол сегодня не ступал ни разу. Одна из измененных заботливо укрыла меня шелковым одеялом. М-да, подарки у богини великолепные. Остается только оправдывать ее ожидания. Боюсь, насколько прекрасные дары, настолько и ужасна кара. Богиня внутри рассмеялась веселым звонким смехом. Уже ничего не скрыть. Скоро будут смеяться над тем, что и как я делаю в туалете. В отместку я решил заснуть и сказал, открыв глаза:

– Когда придут орин – разбудите меня.

Я стою на берегу и смотрю себе под ноги. Под ногами белый крупнозернистый песок. Поднимаю глаза и вижу черную воду-туман, наступающую на берег. Чудовищные черные тучи закрывают клубящейся стеной полнеба. Я смотрю налево

– бесконечный белый берег, мне видно, как его захватывает тьма. Я смотрю вправо – там стоит, спиной к тьме, красивая женщина, одетая в черный шелк. Она поворачивает лицо в мою сторону – это богиня Элос. Она хмурится и указывает рукой на что-то позади меня. Обернувшись, я вижу беловолосую атар. Она очень худа и измучена. Она пытается вырваться из щупалец странных существ, держащих ее. Она что-то кричит и бьется, пытаясь добраться до спасительной для нее тьмы, но твари держат ее крепко и даже радуются ее сопротивлению. Богиня шипит в бессилии. Я начинаю двигаться на помощь атар, но песок вяжет ноги, и я, к своему ужасу, понимаю, что меня начинает затягивать. Но спасительная тьма рядом, и, бросившись к ней, я погружаюсь в спасительное тепло. Только сейчас я понимаю, как я замерз.

Своя тьма раздается голос измененной:

– Ашерас, проснитесь, прибыл матриарх.

Проклятье, мне уже давно не снились кошмары. Как же холодно. Я с трудом разлепил глаза:

– Сколько я проспал?

– Два часа, Ашерас.

Рядом раздался голос матери:

– Я вижу, ты уже обживаешься, Ашерас.

Я повернул голову на звук и увидел одобрительно смотрящую меня матушку.

– Смею надеяться, ты не против?

– Нет, нет. Это великолепное место, и крайне печально,

что оно пусто. Отсюда правила сестра моей матери – Эльвиаран. Тебе, верно, сказали, что Граница Мрака была брошена из-за больших затрат на ее содержание и, кроме того, утерянный сто лет назад ключ... Но это не вся правда. Я вам всем расскажу, что произошло восемьдесят с лишком лет назад, чтобы вы знали, чего опасаться и почему я так рада благосклонности богов. Это тебе должны были рассказать лет через восемь-девять во время курса истории дома. Но из-за того, что ты Перерожденный и послезавтра у тебя будет разговор клинок на клинок с верховным ариром, я расскажу все сейчас. Итак, перво-наперво я объясню, кто такие верховные ариры. Арир с древнего – религиозный служитель или служительница. Говоря с ариром, ты должен знать, что то, что жрец важен для своего бога, еще не означает, что он хороший управленец или политик. Поэтому нередко можно встретить жрицу, обласканную божественным вниманием, но занимающую очень невысокое положение в храме своего бога. Что, однако, не мешает шести храмам тратить немаленькие средства на таких «приближенных к богу» и создавать целый ряд звучных должностей, не имеющих никакой власти внутри храма. Ну, вроде Главного Задувателя Свечей или Верховного Испытателя Мягких Кресел. Это касается тебя. В некотором смысле ты, хоть и не состоишь в каком-либо храме, но являешься ариром. Однако знай, верховные ариры сделаны из совсем другого мрака. Пусть тебя не смущает мягкость и покладистость. Верховный арир Ак-

риста обладает жуткой властью, и даже богиня может не решиться отбивать тебя у ее храма. Почему? Пойми меня правильно, если поставить на чашу весов волю тысячи ариров и твою жизнь – еще неизвестно, что перевесит. Ты, надеюсь, понимаешь, что не единственный избранный богини? Возможно, самый любимый, но – не единственный. Все ариры Шестого храма являются атретасами, а у них, как ты знаешь, совсем другие понятия о чести, чем у нас. Верховным арирам, всем шестерым, давно перевалило за две тысячи лет. – Лицо матриарха стало подобно маске. – Восемьдесят лет назад Совет верховных ариров постановил, что дом И'си'тор слишком быстро набирает силу и власть. Четыре Великих дома объединились и одним ударом вырезали всех атар, кроме нас пятерых и матриарха. Нашего мариарха, сестру моей матери Эльвиаран продали живьем, считай, отдали даром, иллитидам, наказав пытать ее тысячу лет... – На лице матери не шевельнулось ни одного мускула, когда она говорила это. Казалось, что ее лицо превратилось в резиновую маску. – Нас уже хотели казнить, но вмешался страж и сообщил, что со смертью последнего из И'си'тор он станет свободен от клятвы и первое, что сделает – сожжет Шестой храм в мелкий пепел, а после чего нападет на четыре дома... Так мы остались живы. Мы ненавидим иллитидов, четыре Великих дома и верховных ариров. Самая большая гнусность этого всего то, что И'си'тор не был самым сильным домом на тот момент, но нам всегда завидовали из-за нашей силы и связи

с богиней. Я знаю, что ты хочешь спросить – почему не вмешалась богиня? А боги разве должны вмешиваться в гражданскую войну? В той странной войне не участвовал ни один атретас. Нас просто задавили числом. На каждого из атар, включая детей, приходилось по двенадцать-тринадцать атар из четырех домов. Понимаешь, все эти покушения напоминают ту травлю, что была тогда. Будь очень осторожен, Ашерас, в разговоре с Верховной. Вроде бы мы уже не представляем какой бы то ни было угрозы. Но все равно – будь осторожен, заступничество богини для них пустой звук. Нет, не беспокойся, напрямую они делать ничего не будут. А вот нанять кого-либо, вроде тех же вампиров или перевертыша, – запросто.

Мать поднялась из глубокого кресла и собралась было выходить, когда я наконец опомнился и произнес:

– Таенори, там, во внутреннем дворе, крыша обвалилась, а какие-то твари загадили весь бассейн. Ты не выделишь сорок-пятьдесят орин для ремонта и очистки? Добавь сюда же хоть немного прислуги и еды.

Мать обернулась в дверях:

– Это не проблема – уж содержать такое невеликое количество атар наш дом сможет запросто...

Мать, отворив дверь, вышла из приемной.

После ее ухода мне так и не удалось сомкнуть глаз. А когда пришли слуги, стало уже не до сна. Наблюдая за ними, я размышлял о своем кошмаре. Он намекал на судьбу моей ба-

бушки. Ситуация с богиней напоминает Землю. Это тот момент, когда бык затаскивает на гору повозку, а с горы уже она толкает быка вниз по склону. Вот только впереди – бездна... И как высокомудрые ариры не понимают этого? Ну, будут управлять они богами, а что дальше? Ответ один – война. Вот только с кем? Я вспомнил Эхаялин. Теперь наш договор предстал в ином свете. Как же, как же – просто живи! Я чуть не сплюнул на каменный пол. Мне всего год, а уже два покушения. Еще везет, что на меня не напали в колыбели. Значит, для того чтобы «просто жить», мне понадобится уничтожить всех врагов. Как внешних, так и внутренних. А они тоже не сидят мечи полируя. Но ничего, они поздно спохватились. Знания о ритуале у меня есть, гигантский накопитель – тоже. Вопрос только в том, стоит ли начинать эту канитель? Послезавтра прибудет верховный арир, посмотрит на измененных – я ухожу в непонятки, мол, богиня, Предвечная и все такое... Свидетели есть. А уж что они видели... Как-то выкручусь. Правильно, что мать пришла и просветила. А то б ляпнул – мол, знаю секрет, как сделать из фиги яблоко! А завтра, с утра, я уже на дыбе в храме... Так что сидим тихо. Я просто уверен, что в доме кто-то стучит в храм, и как только я шевельнусь штамповать атар из атретасов – мне конец. А уж как подрасту, наберусь знаний, тогда и придется браться за верховных ариров. А уж Эльвиаран придется потерпеть...

Орин начали включать мелкие подсистемы Границы Мрака – воду, отопление, канализацию. Заработала кухня, и пер-

вым делом покормили меня. Орин же целыми толпами начали приводить в порядок бассейн и внутренний дворик. Они делали это так быстро, что к вечеру все уже должно было быть очищено. Как доложил мне беловолосый орин, крышу они починят завтра. Удивительно, получается, Граница Мрака встретит Верховного во всей красе. Я хмыкнул. Надеюсь, Верховный не примет это еще и за реставрацию нашей силы... Мои зубы скрипнули... Время расплаты придет...

В эту ночь я с трудом сомкнул глаз, лежа на огромной кровати матриарха. И только распустив вокруг теров и напивав их Тьмой из источника, мне удалось заснуть.

Опять приснился тот же кошмар. Вот только ощущение холода не прошло, и когда я проснулся, меня жутко трясло. Тонкое черное шелковое одеяло ни хрена не грело. Кое-как закутавшись в него, мне снова удалось заснуть.

Проснулся я сам и, судя по колоннообразному хронометру, довольно рано. Я чувствовал себя намного лучше, чем вчера, и, не дожидаясь слуг, сам оделся и пошел искать измененных Тьмой жриц. Как ни странно, нашлись они в одной кровати, и, глядя на хитросплетение их обнаженных тел, я решил, где буду греться после очередного кошмара. Не дожидаясь, пока они проснутся и раскочегарятся, после недолгого поиска спустился в кухню, где, произведя настоящий фурор среди орин, потребовал еды. В разгар моего питания появились обеспокоенные и полностью экипированные измененные Тьмой атары. Увидев меня, они тоже начали по-

быстрому насыщаться. Глядя на то разнообразие, что едят они, мне осталось только жрать свою кашу и запивать молочным коктейлем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.